

Элизабет Вернер

Архистратиг Михаил

Элизабет Вернер
Архистратиг Михаил

«Public Domain»

1887

Вернер Э.

Архистратиг Михаил / Э. Вернер — «Public Domain», 1887

«Настала Пасха, праздник света и освобождения для всей природы. Зима уходила, укрывшись в туманную фату, и на торопливых, смятенных облаках близилась весна. Она выслала вперед своих вестников – бури, чтобы пробудить землю от ее долгого сна. Они завывали в лесах и долинах, раскидывали свои крылья над мощными вершинами гор и взбаламучивали моря до самой их глубины. В воздухе неистовствовали шумные ветры, звуча победным кличем. Ведь это были весенние бури, в них кипела жизнь, они провозглашали воскрешение природы...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Эльза Вернер

Архистратиг Михаил

Глава 1

Настала Пасха, праздник света и освобождения для всей природы. Зима уходила, укрывшись в туманную фату, и на торопливых, смятенных облаках близилась весна. Она выслала вперед своих вестников – бури, чтобы пробудить землю от ее долгого сна. Они завывали в лесах и долинах, раскидывали свои крылья над мощными вершинами гор и взбаламучивали моря до самой их глубины. В воздухе неистовствовали шумные ветры, звуча победным кличем. Ведь это были весенние бури, в них кипела жизнь, они провозглашали воскрешение природы.

Горы были еще наполовину погребены под снегом, и старый замок на горе, царивший над долиной, поднимал свои крыши из-за осыпанных снегом елей. Это было одно из тех горных гнезд, которые некогда повелевали всей округой, а теперь по большей части обретаются в запустении и забвении, а нередко об их былом величии свидетельствуют лишь развалины. Впрочем, это как раз не относилось к данному замку, так как графы фон Штейнрюк заботливо охраняли от разрушения колыбель своих предков. В остальном они, однако, мало заботились о старых стенах, лежавших в горах, вдали от всего света. Только в охотничий сезон замок заполняла шумная толпа гостей, вносивших жизнь в угрюмые стены.

На этот раз гости в виде исключения съехались уже весной, но собрались они ради грустного события. Хозяин замка умер, и вместе с ним угасла младшая линия рода, по крайней мере в мужских представителях, ибо после покойного остались вдова и дочь. Граф Штейнрюк умер в другом имении, где жил постоянно и где состоялось торжественное отпевание. Затем тело его отвезли в родовой замок, чтобы похоронить его там, в полной тишине и в присутствии самых близких родственников, в фамильном склепе.

Был бурный мартовский день, и небо над долиной сплошь затянули серые тяжелые тучи. Хмурый свет падал в комнату, в которой обыкновенно жил владелец замка, приезжая на охоту. Это обширное, довольно низкое помещение освещалось единственным большим окном-фонарем. Обстановка комнаты говорила о былой роскоши замка. Темная деревянная облицовка стен, массивные дубовые двери и гигантский камин с колоннами и гербами Штейнрюков уже целые столетия удерживали за собой место, да и тяжелая старомодная мебель и фамильные портреты тоже принадлежали далекому прошлому. Огонь, пылавший в камине, не мог придать уют этому мрачному помещению, но зато здесь чувствовалась сама история, история старого, могущественного рода, судьбы которого были издавна тесно связаны с судьбой его страны.

Раскрылась дверь, и в комнату вошли два господина, по-видимому, родственники почившего, поскольку на мундире одного и на фраке другого виднелись знаки траура. Действительно, они пришли прямо с похорон, и на лице старшего еще как будто лежала тень, отражение печальной церемонии.

– Завещание будет вскрыто завтра, – сказал он. – Разумеется, это только проформа, так как все распоряжения мне известны. Графине завещаны большой вдовый капитал и замок Беркгейм, где она теперь живет, все же остальные владения становятся собственностью Герты, опекуном которой назначен я. Затем идут другие распоряжения, и мне, как главе старшей линии, завещан Штейнрюк.

Младший из собеседников пожал плечами при последних словах и сказал:

– Какое колоссальное состояние переходит в руки этого ребенка! Ну, а твое наследство неблестяще, отец, мне кажется, что старое горное гнездо приносит дохода не больше, чем требует расходов!

– Что же из того? Ведь Штейнрюк – наш родовой замок и вновь переходит в наши руки. Покойный двоюродный брат не мог сделать мне лучшего дара, и я очень признателен ему. Ну, а ты хочешь завтра уже уехать, Альбрехт?

– Я отпросился всего на несколько дней, но если ты хочешь, то...

– Нет, нет, тебе совершенно не к чему оставаться. Мне-то во всяком случае придется хлопотать о продлении отпуска. Надо еще о многом поговорить и многое упорядочить, а графиня во всех отношениях настолько несамостоятельна, что мне волей-неволей придется некоторое время остаться около нее.

Он отступил в фонарь и посмотрел на туманный горный ландшафт. Граф уже перешагнул через средний возраст, но вся его фигура выражала мощную, ненадломленную силу, а повелительная осанка в каждом движении выдавала военного. Когда-то он, наверное, был очень красив, что было видно и теперь, на пороге старости. Его волосы только чуть тронула редина, а быстрые, энергичные движения и звучный голос, равно как и огонь, сверкавший во взоре, придавали ему юношеский вид.

Сын, поразительно похожий на отца, был в то же время полной его противоположностью: у него были те же черты, но им не хватало здоровья и силы, которыми дышал старый граф. Молодой человек казался очень болезненным.

– Графиня вообще производит впечатление беспомощного существа, – сказал он, – и это прискорбное событие привело ее к полной растерянности.

– Ну, не так-то легко потерять супруга во цвете лет после недолгой болезни. Такой удар способен совершенно растоптать нежную натуру.

– Другая выдержала бы его! Луиза сумела бы встретить неотвратимое с полным присутствием духа!

– Молчи! – мрачно перебил его граф, отворачиваясь.

– Прости, отец, я знаю, что ты не хочешь вспоминать об этом, но как раз сегодня воспоминания являются слишком живо... Луиза едва ли удовольствовалась бы вдовьей частью, Штейнрюк непременно сделал бы ее полной госпожой над всем имуществом: ведь уже в то время он был в полном подчинении у нее. И отвергнуть его руку, пожертвовать именем, родины, семьей ради того, чтобы стать женой искателя приключений, который загубил ее! Нет, в самом деле можно поверить в старую сказку о любовном напитке, потому что естественными причинами этого не объяснишь!

– Глупости! – холодно отрезал граф. – Судьба человека – в его собственных руках: Луиза направила свою судьбу к пропасти, и было вполне естественно, что она рухнула туда!

– И, наверное, ты, несмотря ни на что, принял бы погибшую, если бы она вернулась с раскаянием?

– Никогда! – возразил граф с непреклонной суровостью. – Кроме того, Луиза никогда не вернулась бы. Она могла погибнуть в позоре, в заслуженной нищете, но вымаливать пощаду у отца, который отверг ее, она не могла и не стала. Несмотря ни на что, она была моей дочерью.

– И любимицей тоже! – подсказал Альбрехт с явной горечью. – Мне столько раз давали понять, столько раз повторяли, что у меня нет ни одной черты твоего характера. Только Луиза унаследовала твою кровь; эта красавица, умница, энергичная Луиза была твоей гордостью и счастьем. Ну, мы уже знаем теперь, куда завела ее эта хваленая энергия! Падая все ниже и ниже...

– Твоя сестра умерла! – резко перебил его граф. – Оставь мертвых в покое!

Альбрехт замолчал, но горечь не исчезла с его лица, видимо, он не мог простить сестре, даже покойной, то, что она сделала своей семье. Но до дальнейших объяснений дело не дошло, так как вошел лакей и доложил:

– Его высокопреподобие настоятель прихода архистратига Михаила!

Должно быть, священник знал, что его ждут, так как, не дожидаясь ответа, сейчас же вошел в комнату. Это был мужчина лет пятидесяти. Совершенно седые волосы, лицо и голубые глаза, полные мира и доброжелательства, осанка и речь – все выражало серьезную кротость, которая казалась неразлучной с существом священника.

Граф Штейнрюк сделал несколько шагов ему навстречу и вежливо, хотя и холодно, поклонился. Старшая линия Штейнрюков держалась протестантства, и католический священник не имел значения для нее.

– Прежде всего я должен высказать свою благодарность вашему высокопреподобию, – начал граф, движением руки приглашая священника сесть. – Графиня-вдова решительно пожелала, чтобы вы руководили сегодняшней печальной церемонией, и в эти тяжелые дни вы так самоотверженно поддерживали ее, что все мы очень благодарны вам!

– Я лишь исполнил свой долг пастыря душ, – спокойно ответил священник. – За это не требуется благодарности. К вам же, граф, я пришел по другому делу.

Быть может, по вашему мнению, я не имею права касаться того, чего хочу коснуться, но я должен воспользоваться вашим случайным пребыванием здесь и прошу разрешения переговорить с вами.

– Повторяю, я вполне к вашим услугам, отец Валентин. Если разговор должен быть секретным, то мой сын сейчас же...

– Нет, пусть молодой граф остается, – поспешил ответить отец Валентин. – Все равно ему известно обстоятельство, которое привело меня сюда. Дело касается питомца лесника Вольфрама.

Он остановился, словно ожидая ответа, но его не последовало. Граф сидел с невозмутимым лицом, тогда как Альбрехт вдруг проявил живое внимание. Но так как и он тоже ничего не сказал, священник был вынужден продолжать.

– Соболаговолите вспомнить, граф, что это от меня вы получили просьбу принять участие в мальчике!

– Да, и я счел выполнение просьбы неотложным. Вольфрам взял по моему приказанию ребенка, и я ведь известил вас об этом.

– Совершенно верно. Хотя я и предпочел бы видеть мальчика в других руках, но решающий голос принадлежал вам. Ну, а теперь мальчик вырос и не может долее жить в подобной обстановке. К тому же я убежден, что это ни в коем случае не входит в ваши планы.

– А почему бы и нет? – холодно спросил Штейнрюк. – Я считаю Вольфрама очень надежным человеком и имел достаточно оснований выбрать именно его. Или вы можете сказать что-нибудь дурное о нем?

– Нет, в своем роде он честный человек, но груб и одичал в одиночестве. Со времени смерти жены Вольфрам почти не соприкасается с людьми, и у него в доме не лучше, чем у простого мужика. Это – едва ли подходящая обстановка для подрастающего мальчика и уж никак не подходящая для внука графа Штейнрюка.

Альбрехт, стоявший за стулом отца, сделал движение, а старый граф мрачно сдвинул брови и резко ответил:

– У меня только один внук, а именно сын графа Альбрехта, и я попрошу ваше высокопреподобие иметь это в виду, когда речь идет об указанном обстоятельстве!

Кроткие глаза священника строго и серьезно уставились на говорящего.

– Простите, ваше сиятельство, но законный сын вашей дочери имеет полное право называться так.

– Может быть. Но как внук он для меня не существует, потому что брак моей дочери никогда не существовал для всех моих.

– И все-таки вы удовлетворили мою просьбу, когда Михаил...

– Михаил? – переспросил граф, выказывая крайнее изумление.

– Так зовут мальчика. Вы этого не знали?

– Нет. Ведь я вообще не видел ребенка, когда он был передан Вольфраму на воспитание.

– О воспитании не может быть и речи, когда говоришь о человеке такого сорта, и это очень жаль, так как именно в этом отношении следовало многое сделать. Еще будучи ребенком, Михаил совершенно одичал вследствие скитальческой жизни, которую он долго вел с родителями. Естественно, я принял в нем участие и занимался с ним, насколько позволяло далекое расстояние до лесничества.

– Вы в самом деле делали это? – воскликнул граф, и в его вопросе чувствовалось явное недовольство.

– Конечно! Ведь при таких обстоятельствах мальчик не мог иначе получить образование, а я никак не мог согласиться с мыслью, что ребенок должен умственно одичать и омужичиться. Это было бы слишком жестоким наказанием за грехи родителей!

В этих простых словах звучал тяжелый упрек, и он, очевидно, достиг цели, потому что на лице Штейнрюка сверкнула вспышка гнева, и он воскликнул:

– Ваше высокопреподобие, какого бы мнения вы ни держались о наших семейных обстоятельствах, вы судите, как посторонний, и потому кое-что может показаться вам жестоким и непонятным. В качестве главы семьи я должен блюсти честь нашего имени, и кто затронет или опорочит эту честь, тот будет выброшен из моего дома и сердца, будь то хоть мое собственное дитя! Я сделал то, что должен был сделать, и если бы еще раз был поставлен в тяжелую необходимость, поступил бы опять совершенно так же!

В словах графа звучала стальная решимость. Отец Валентин промолчал, он понимал, что такие натуры не сгибаются перед пастырским словом.

– Графиня Луиза опочила с миром, а с нею и человек, с которым она была обвенчана! – сказал он наконец. – Ее сын остался одиноким и беззащитным. И вот я пришел, чтобы попросить вас о том, о чем можно просить за всякого чужого сироту, то есть о воспитании, которое поможет ему вступить со временем в жизнь. Если он останется в руках Вольфрама, то это совершенно исключено – тогда он будет годиться разве что на полудикое существование в каком-нибудь дальнем горном лесничестве. Если вы, ваше сиятельство, хотите и можете взять на себя ответственность за...

– Довольно! – перебил его Штейнрюк, вставая с места. – Я взвешу все это и потом решу что-либо относительно вашего протеже. Положитесь на меня, ваше высокопреподобие!

Священник тоже встал; он видел, что разговор окончен, и не имел ни малейшего желания продолжать его.

– Мой протеже? – повторил он. – Пусть он станет и вашим тоже, граф, мне кажется, он имеет право на это! – и с коротким, сухим поклоном он вышел из комнаты.

– Что за странный визит! – сказал Альбрехт, который во все время разговора не раскрывал рта. – Что же дает этому попу право вмешиваться в наши семейные дела?

Штейнрюк пожал плечами.

– Прежде он был духовником наших родственников и до сих пор занимает у них положение доверенного лица, хотя и живет в отдаленной альпийской деревушке. Только он, и никто другой, должен был проводить Штейнрюка в могилу. Но я покажу ему, что на меня не действует поповское влияние. Я не мог не принять его, как не мог и отказать ему, когда он воззвал о помощи для сироты!

– Ну да, о мальчике надо было позаботиться, и это сделано, – холодно ответил Альбрехт. – Ты тогда взял все дело в свои руки, отец, этот Вольфрам... Я помню его по имени. Ведь он был у тебя егерем?

– Да, я просил за него, и Штейнрюк дал ему место лесника. Он молчалив и надежен и вообще нисколько не заботится о вещах, которые выходят за пределы его кругозора. Он и в то

время не спрашивал, какое отношение имеем мы к этому мальчику, а просто исполнил то, что ему было приказано, и принял его к себе в дом.

– И там он во всяком случае оказался в хороших руках. Ты, конечно, не собираешься изменять тут что-либо?

– Смотря по обстоятельствам. Сначала я должен повидать его.

На лице Альбрехта отразилось неприятное изумление.

– К чему это еще? Чего ради приближать его к нам? Подобные неприятные вопросы лучше всего засовывать в самый дальний ящик.

– Это – твоя манера, – резко ответил граф, – а моя – смело смотреть неприятностям в глаза, когда необходимо! – Он с внезапным гневом топнул ногой. – «Ребенок должен умственно одичать и омужичиться за грехи родителей!» И это я должен выслушивать от какого-то попа!

– Да, не хватало еще, чтобы он стал защищать его родителей, – насмешливо кинул Альбрехт. – И они еще назвали свое отродье Михаилом, осмелились дать ему твое имя – традиционное для нашей семьи! Да ведь это – издевательство!

– Но могло быть и раскаянием тоже! – мрачно отозвался Штейнрюк. – Во всяком случае, твоего сына зовут Раулем.

– Да нет же! Он крещен и назван твоим именем!

– В книге метрик – да, но зовут его Раулем, об этом уже позаботилась твоя жена!

– Это имя отца Гортензии, к которому она привязана с дочерним благоговением. Ты ведь знаешь...

– Если бы дело было только в имени! Но это далеко не единственное, что отчуждает меня от внука. У Рауля нет ни одной черты Штейнрюка – ни в лице, ни в характере, он – вылитая мать!

– Ну, мне кажется, это не порок! Гортензия признанная красавица, ты даже не подозреваешь, сколько побед одерживает она!

– Потому-то она так и любит арену этих побед! – холодно ответил отец, не отзываясь на шуточный тон сына. – Вы больше живете во Франции, у родных Гортензии, чем дома. Ваши визиты туда становятся все более частыми и долгими, а теперь даже поднимается вопрос о твоём переводе в наше посольство в Париже. Тогда Гортензия будет у цели своих желаний!

– Но ведь я должен отправиться туда, куда меня посылают! И если выбрали как раз меня, значит...

– Уж не собираешься ли ты рассказывать мне о своих дипломатических успехах? – перебил его отец с явной насмешкой. – Мне отлично известно, какие тайные пружины пущены в ход для этого, и назначение само по себе довольно незначительно. Я ожидал большего от твоей жизненной карьеры, Альбрехт! Тебе были открыты все пути, чтобы хоть отчасти добиться влиятельного положения, но для этого нужно иметь честолюбие и энергию, которыми ты никогда не обладал. Теперь ты добиваешься места, которому будешь обязан лишь своим именем и где ты по приказанию жены десятки лет просидишь без движения вперед!

Альбрехт закусил губу при этом упреке, высказанном без всяких околочностей.

– Отец, в этом пункте ты с самого начала не был справедлив. Ведь ты никогда не относился одобрительно к моей женитьбе. Я думал, что мой выбор заслужит полное твое одобрение, а ты чуть ли не упрекаешь меня за то, что я привел тебе красавицу, умницу, дочь из знатнейшей семьи...

– Которая до самого последнего момента остается нам чужой! – договорил Штейнрюк. – Она до сих пор еще не может понять, что вошла в нашу семью, а не ты – в ее. Я предпочел бы, чтобы ты ввел в дом дочь самого простого провинциального дворянина, чем эту Гортензию де Монтины. Горячая французская кровь не годится для нашего древнего германского рода, а у Рауля ее слишком много. Поэтому для него будет очень хорошо, когда он попадет в строгий военный распорядок.

– Да... ты настаиваешь, чтобы он поступил в армию, – неуверенно ответил Альбрехт. – Но Гортензия боится, да и я тоже боюсь, что наш сын не создан для военного дела. Это – нежный ребенок, и он не выдержит железной дисциплины.

– Так пусть научится выдерживать ее! Тебя лично болезненность избавила от военной службы, но Рауль здоров, и теперь самое время вырвать его из сферы вашего баловства и изнеживания. Армия явится для него самой настоящей школой. Я не хочу, чтобы мой внук стал впоследствии слабеньким. Он должен сделать честь нашему имени, и об этом я позабочусь!

Альбрехт промолчал. Он знал непреклонную волю отца – тот все еще предписывал свои законы сыну, который уже сам стал супругом и отцом. Граф Михаил Штейнрюк был человеком, способным заставить уважать свою волю.

Глава 2

– Да, тут уж ничего не поделаешь, ваше высокопреподобие, беда одна с этим мальчишкой! Ничего он не умеет, ничего не понимает, с утра до вечера бегаёт по горам и притом глупеет со дня на день. Из него не выйдет ни охотника, ни чего-нибудь путного. Пропашие труды!

Эти слова были произнесены человеком, один внешний вид которого уже свидетельствовал о том, что его занятие – охота. Он никогда не расставался с ружьем и ягдташем. Его крепкая, коренастая фигура с широкими плечами, топорные черты лица, всклокоченные волосы на голове и спутанная борода, его одежда – смесь охотничьей с крестьянской – все казалось запущенным и грубым, и его речь была так же груба, как и все его существо. Он стоял в почтительной позе в церковном доме маленького горного селения Санкт-Михаэль, и священник, сидевший у письменного стола, неодобрительно покачал головой при его словах.

– Я вам уже не раз говорил, Вольфрам, что вы не умеете обращаться с Михаилом. Бранью да угрозами вы от него ничего не добьетесь, это его только запугивает, а я думаю, что он и без того слишком запуган!

– Все это от его глупости, – пояснил лесник, – ведь парню хоть кол на голове теши! Ему требуется изрядная встряска, а я должен был поклясться вашему высокопреподобию, что не буду больше бить его!

– И я надеюсь, что вы сдержали свое слово. Ваша вина перед ребенком очень велика: вы с женой ежедневно истязали его, пока я не вмешался.

– Это было ему же на пользу! Все мальчишки нуждаются в порке, а Михель всегда нуждался в двойной порции. Ну, он и получал ее в плепорцию: когда я уставал, за дело бралась жена. Только все это не помогло, и умнее он не стал.

– Нет, но погиб бы от такого жестокого обращения, если бы я не вмешался!

Вольфрам громко расхохотался.

– Погиб бы? Михель? Да он вдесятеро больше выдержит, ведь это сущий медведь. Стыд один с этим парнем! Он так здоров, что мог бы деревья с корнем выворачивать, а между тем и пальцем не пошевелит, когда деревенские мальчишки дразнят его. Я уж знаю, почему он сегодня опять не пошел со мною, а захотел во что бы то ни стало идти потом. Он не хотел проходить со мной через деревню, он предпочитает идти в обход через лес, как и всегда, когда отправляется к вам, – трус этакий!

– Михаил – не трус, – сказал священник. – Вы сами отлично знаете это, Вольфрам. Разве вы не говорили мне, что его ничем не удержишь, когда он вспылит?

– Ну да, тогда он совсем безумеет, и лучше плюнуть на него. Если бы я не знал, что у него на чердаке не все дома, так я по-другому обошелся бы с ним. Но все же это – тяжелый крест! Просто непонятно, как он так хорошо стреляет и попадает, если только увидит дичь, хотя это с ним и нечасто случается. Он глазеет на деревья да на небо, а тем временем у него под самым носом пробегает двенадцатирогий. Я не из любопытных, но все-таки интересно было бы мне знать, откуда взялось это отродье?

При последних словах лесника в лице отца Валентина что-то болезненно дрогнуло, но он спокойно ответил:

– Вам ведь это решительно безразлично. Только не наводите на такие мысли Михаила, а то он начнет раздумывать и будет предлагать вам вопросы, на которые вы не сумеете ему ответить.

– Для этого он слишком глуп! – решительно заявил лесник, которому глупость его питомца казалась непогрешимым догматом. – По-моему, он даже не знает, что вообще когда-нибудь родился. Однако мой Тирас вскинулся – должно быть, увидал Михеля.

Действительно, в этот момент послышался радостный собачий лай, затем близящиеся шаги, и в комнату вошел Михаил.

Это был парень лет восемнадцати, довольно высокий и сильный для своих лет, но в его неуклюжей фигуре ничто не говорило о свежести и грации юности. Лицо, неправильное и некрасивое в каждой черте, имело не то пугливое, не то мечтательное выражение, что не прибавляло ему привлекательности. Густые белокурые волнистые волосы беспорядочными клоками нависали на лоб и виски, а из-под них смотрела пара темно-синих глаз, взор которых поражал сонливой мечтательностью и пустотой, как будто у обладателя этих глаз совершенно отсутствовала какая-либо внутренняя жизнь. Его одежда была так же запущена, как и у лесника, и весь вид юноши ни единой черточкой не возбуждал симпатии.

– Ну, припелся наконец? – грубо встретил его лесник. – Давно пора быть здесь! Спал ты, что ли, по дороге?

– Я шел лесом, – сказал Михаил, подходя к священнику, ласково протягивавшему ему руку.

Вольфрам язвительно рассмеялся.

– Ну, не говорил ли я вам, ваше высокопреподобие? Он опять не решился идти деревней, я так и знал! Однако мне пора в заповедный лес, там повалило массу вековых деревьев: адская охота опять пронеслась по лесам.

– То есть, вы хотите сказать, бури последних ночей, Вольфрам?

– Это была адская охота, ваше высокопреподобие! Ведь теперь, к весне, она разъезжает каждую ночь! Позавчера, когда мы в сумерках проходили через лес, привидение пронеслось совсем рядом с нами, и ста шагов не было! Вот-то зашумело и завывало, словно весь ад прорвался! Ну, весь не весь, а значительная часть его тут уже была! Михель, по своей глупости, хотел броситься на них, но я успел схватить его за руку и удержать.

– Мне хотелось бы вблизи посмотреть на призраки, – спокойно заметил Михаил.

При этих словах лесник досадливо передернул плечами и воскликнул:

– Вы только посмотрите, ваше высокопреподобие! Уж таков этот мальчишка! От людей он бежит, а вот такие вещи, от которых каждого христианина мороз по коже подирает, он должен видеть, готов хоть с адской охотой пуститься. Мне кажется, он спокойно бросился бы бежать с духами, если бы я не удержал его. Быть бы ему теперь в могиле, потому что тот, кто принял участие в адской охоте, кончен: его песенка спета!

– Но послушайте, Вольфрам, неужели вы не можете избавиться от этого греховного суеверия? – сказал священник. – Вы хотите быть христианином, а обеими ногами стоите в язычестве. И Михаила тоже заразили этим: у него голова набита языческими сказаниями!

– Может, оно и грех, а только правда! – упрямо ответил Вольфрам. – Вы-то, конечно, ничего об этом не знаете. Вы – святой человек, священник, и вся нечисть боится вас. Ну, а нашему брату приходится чаще наткаться на нее, чем хотелось бы... Значит, Михель останется здесь?

– Конечно. После обеда я отпущу его домой.

– Ну, так оставайтесь с Богом! – сказал лесник, подтянул ремни ружейной перевязи, поклонился священнику и вышел, не обращая более внимания на своего питомца.

Михаил, который был у священника, как дома, достал теперь из стенного шкафчика книги и тетради и положил их на письменный стол. Обычный урок должен был начаться, но вдруг на улице послышался скрип полозьев. Отец Валентин очень удивился – его редко навещал кто-нибудь, а в это время трудно было ожидать паломников: ведь Санкт-Михаэль не принадлежал к числу таких прославленных святынь, куда верующие стекаются толпами круглый год. В маленькую тихую приходскую церковь, построенную высоко в горах, приходили со своими молитвами и обетами лишь бедные жители альпийских деревень, и только в большие церковные праздники туда собиралась значительная толпа паломников.

Тем временем сани подъехали ближе и остановились перед церковным домом. Из них вылез господин в шубе и заявил выбежавшей ему навстречу служанке, что желает видеть его высокопреподобие. Затем, не давая никаких пояснений, он прошел прямо в кабинет к священнику.

При звуках его голоса отец Валентин вздрогнул и вскочил с выражением радостного изумления:

– Ганс! Да ведь это – ты!

– А, все-таки узнал меня? Ну, не было бы большим чудом, если бы мы забыли друг друга! – ответил приезжий, протягивая руку, которую священник схватил с глубокой сердечностью.

– Добро пожаловать! Как это ты нашел меня?

– Н-да-с! Добраться до тебя было не так-то легко! – заявил гость. – Часами нам приходилось пробиваться через глубокий снег, порой дорогу преграждали поваленные сосны, а то мы попадали и в засыпанный снегом горный ручей. В виде развлечения на нас свалилась с гор маленькая лавина. И притом мой кучер упрямо твердил, что это – проезжая дорога! Хотел бы я посмотреть на ваши пешеходные тропинки – они, наверное, доступны только для гусей!

– Ты остался прежним, – сказал отец Валентин, улыбаясь, – вечно насмехаешься и критикуешь... Оставь нас одних, Михаил, и скажи кучеру господина, чтобы он выпряг лошадей.

Михаил вышел, а гость, кинув ему вдогонку беглый взгляд, спросил:

– Ты завел себе службу? Что за мечтательная физиономия?

– Это – мой ученик, с которым я занимаюсь.

– Ну, это, наверное, трудная работа! С такой головой далеко не уйдешь! Судя по внешнему виду, все таланты парня заключаются лишь в его кулаках.

Тем временем гость снял шубу. Он был лет на пять-шесть моложе священника, но взгляд светлых, пронизательных глаз и вся осанка выдавали в нем человека, который был в своем кругу признанным авторитетом.

Он окинул внимательным взором обстановку комнаты, дышавшую монашеской простотой, и затем сказал без насмешки, но с глубокой горечью:

– Так вот где ты бросил якорь... Я не представлял себе твоего одиночества таким пустынным и далеким от мира. Бедный Валентин! Ты должен платиться за то, что я своими исследованиями наносу чувствительный удар вашим догматам и что мои книги попали в индекс¹!

– Что это тебе пришло в голову? – ответил священник, делая отрицательный жест. – У нас постоянно происходят перемены, и я получил назначение в Санкт-Михаэль потому...

– Потому что твоим братом оказывается Ганс Велу! – договорил гость. – Если бы ты публично отрекся от меня и хоть разочек принялся громить с кафедры атеизм, тебя перевели бы в богатый приход, ручаюсь тебе! Ведь отлично известно, хотя мы не виделись с тобой долгие годы, что все же мы не порвали связи между собой, и вот за это-то тебе и приходится платиться. Почему ты открыто не проклял меня? Честное слово, я не был бы в претензии на тебя за это, потому что ты и в самом деле не разделяешь моих взглядов!

– Я никого не проклинаяю, – тихо ответил священник, – а потому не могу проклясть и тебя, хотя и глубоко скорблю, что ты пошел по этому пути.

– Да, у тебя никогда не было таланта к фанатизму, разве только к мученичеству, и я нередко страдаю от мысли, что должен помогать тебе в этом. Впрочем, я позаботился, чтобы мое сегодняшнее посещение осталось незамеченным: я здесь совершенно инкогнито. Я не мог отказаться от свидания с тобой, особенно теперь, когда переселяюсь в северную Германию.

– Как? Ты покидаешь университет?

¹ Дословно – указатель (лат.). Так назывался список книг, запрещенных палой для чтения.

– Уже в будущем месяце. Я получил приглашение в столицу и сейчас же принял его, так как чувствую, что там истинная почва для меня и моей деятельности. Поэтому я хотел попрощаться, но чуть-чуть не разминулся с тобой: как я слышал, ты вчера был в Штейнрюке на похоронах графа?

– По настоящему желанию графини я совершал похоронный обряд.

– Я так и думал! Меня тоже вызвали по телеграфу в Беркгейм к смертному одру графа.

– И ты последовал на зов?

– Конечно! Хотя я уже давно сменил практику врача на кафедру ученого, но это был исключительный случай. Я не могу забыть, что когда-то был принят в Штейнрюк молодым, безвестным врачом. У меня была рекомендация, но графская семья приняла меня с полным доверием. Правда, единственное, что я мог сделать, это облегчить графу последние часы, но мое присутствие все-таки было успокоением для семьи.

Появление Михаила прервало разговор. Он принес известие, что пономарь желает минуточку поговорить с его высокопреподобием и ждет его в передней.

– Я сейчас вернусь, – сказал отец Валентин. – Спрячь тетради, Михаил, сегодня не придется заниматься.

Священник вышел из комнаты, тогда как Михаил принялся собирать книги и тетради. Профессор небрежно спросил:

– Значит, отец Валентин занимается с тобой?

Михаил молча кивнул, не прекращая своего занятия.

– Это на него похоже! – пробормотал Велу. – Теперь он выбивается из сил, чтобы вдолбить ограниченному парню азбуку и писание, потому что наверное поблизости нет школы... Ну-ка, покажи! – С этими словами он без всяких околичностей схватил тетрадь, но, раскрыв ее, чуть не выпустил из рук от изумления. – Что такое? Латинский язык? Как это тебя угораздило?

– Это мои упражнения, – спокойно ответил Михаил.

Профессор посмотрел на юношу, которого по одежде принял за крестьянского парня, а затем стал перелистывать тетрадь и, прочитывая некоторые страницы, покачивал головой.

– Похоже, что ты – выдающийся латинист. Откуда ты?

– Из лесничества... час ходьбы отсюда.

– А как Тебя зовут?

– Михаил.

– У тебя то же имя, как и у этого местечка². Ты от него и получил имя?

– Не знаю... Я думаю, что скорее от архистратига Михаила.

Юноша выговорил это имя с известной торжественностью, и Велу, заметив это, спросил с саркастической улыбкой:

– Ты, конечно, питаешь большое почтение к ангелам?

Михаил вскинул голову.

– Нет, они только и делают, что целую вечность молятся и славословят. А вот архангела Михаила, того я люблю! Этот-то, по крайней мере, хоть делает что-нибудь: как архистратиг, начальник воинства Божьего, он ниспровергает сатану!

В словах и тоне юноши чувствовалось что-то необычное. Профессор с удивлением смотрел на его лицо, которое вдруг преобразилось в потоке солнечного света, хлынувшего из окна, и пробормотал:

– Странно! Вдруг у него стало совсем другое лицо! Что скрыто за этими чертами?

В этот момент отец Валентин вернулся в комнату и, заметив тетрадь в руках брата, спросил:

– Ты экзаменовал Михаила? Не правда ли, он хороший латинист?

² Санкт-Михаэль – значит Святой Михаил (нем.).

– Да, но что ему делать со своей латынью в заброшенном лесничестве? Наверное, у отца нет средств, чтобы отдать его в школу?

– Нет, но я надеюсь сделать для него что-нибудь другим образом, – ответил священник и, в то время как Михаил подошел к шкафу, чтобы спрятать учебные пособия, шепотом продолжал: – Если бы только бедняк не был таким некрасивым и неуклюжим! Все зависит от впечатления, которое он произведет в известном месте, и я боюсь, что это впечатление будет неблагоприятным.

– Некрасив-то он некрасив, но только что, высказав очень неглупую мысль, он весь преобразился и что-то в его лице напомнило мне графа Штейнрюка.

– Графа Штейнрюка? – повторил отец Валентин, пораженный до последней степени.

– Я имею в виду не покойного графа, а его двоюродного брата, главу старшей линии. Он был в Беркгейме, где я и познакомился с ним. Конечно, он счел бы такое впечатление личным оскорблением для себя и был бы прав. Красавец Штейнрюк с внушительной фигурой – и этот мечтательный Иванушка-дурачок! Ни одной общей черты нет у них в лицах, и я сам не знаю, почему такое пришло мне в голову, когда я увидел блеск загоревшихся глаз этого юнца.

Священник помолчал немного и затем уклончиво сказал:

– Да, Михаил – порядочный мечтатель. Иногда по своему равнодушию и безучастности он кажется мне каким-то лунатиком.

– Ну, в этом еще не было бы особенного зла, – возразил Велау. – Лунатика можно разбудить – стоит только назвать его по имени – и когда он проснется, может быть, он и сделает что-либо путное. Его работы очень неплохи!

– А ученье так затруднено для него! Сколько раз ему приходилось бороться с бурей и непогодой, чтобы не пропустить урока, и он каждый раз аккуратно являлся ко мне.

– Эх, если бы я мог сказать это про своего Ганса! – сухо заметил Велау. – Он в школьные часы рисует карикатуры на учителей, и мне уже несколько раз приходилось задавать ему здоровый нагоняй. Мальчишка становится чрезмерно легкомысленным, потому что это удивительный счастливчик. Что бы он ни начал, все ему удается. Куда бы он ни постучался, везде он находит открытые двери и сердца, а потому и вообразил себе, будто вообще ни за что не надо браться серьезно, жизнь представляется ему лишь сплошной цепью удовольствий. Ну да я уж заставлю его иначе смотреть на вещи, как только он возьмется за изучение естественных наук!

– А у него есть склонность к этому?

– Боже сохрани! Единственное, к чему у него есть склонность, – это пачкотня карандашами и красками, и если он учует где-нибудь размалеванное полотно, то его ничем не удержишь. Но я уж выгоню из него эту дурь!

– А если у него талант... – начал священник, однако брат резко перебил его, сказав:

– Да в том-то вся и беда, что у него есть талант! Учителя рисования забивают ему голову всякими глупостями, а недавно один из друзей нашей семьи, художник, с трагическими жестами уцепился за меня, восклицая, как я смею брать на себя ответственность в том, что мир лишится такого таланта! Я не мог удержаться и обошелся с ним весьма грубо!

Отец Валентин неодобрительно покачал головой.

– Но почему ты не хочешь позволить сыну следовать туда, куда зовут его склонности?

– И ты еще спрашиваешь? Да потому, что я хочу завещать свое духовное наследство не кому-нибудь другому, а ему! Мое имя прогремело в науке, оно откроет Гансу все двери и пути в жизни. Если он пойдет по моим следам, успех ему обеспечен, тогда он именно явится сыном своего отца. Но сохрани его Бог, если он вздумает сделаться так называемым гением!

Тем временем Михаил собрал книги и тетради и подошел, чтобы проститься. И опять его лицо имело бессмысленное, сонно-мечтательное выражение. Когда он вышел, Велау вполголоса сказал брату:

– Ты прав, бедняга просто уродлив!

Глава 3

Графы Штейнрюк принадлежали к старому, могущественному аристократическому роду, родословное дерево которого уходило корнями в отдаленнейшие столетия. Обе ветви этой семьи имели одно происхождение, но бывали времена, когда они даже не соприкасались друг с другом, причем одной из причин этого было различие вероисповеданий.

Старшая – протестантская – линия, обосновавшаяся в северной Германии, обладала одним только майоратом, приносившим очень скромный доход. Наоборот, южногерманские родственники владели многочисленными богатыми имениями и притом на правах аллодиальной собственности³. Все это богатство принадлежало теперь восьмилетнему ребенку, дочери только что умершего графа. Чувствуя приближение смерти, граф Штейнрюк вызвал своего северогерманского родственника и назначил его своим душеприказчиком и опекуном ребенка. Этим в то же время устранялось отчуждение, которое годами существовало между обеими семьями и причина которого заключалась в одном несостоявшемся брачном союзе.

У графа Штейнрюка-старшего, кроме сына, была еще дочь, прекрасная, богато одаренная девушка, любимица отца, на которого она была очень похожа всеми душевными качествами. Она должна была выйти замуж за своего юного родственника – ныне скончавшегося графа. Это было давно решено обеими семьями, и потому молодая графиня зачастую проводила целые недели в доме будущих свекра и свекрови.

Но прежде чем состоялось формальное обручение, в жизнь молодой девушки ворвалась такая страсть, которая ведет, неминуемо должна вести к гибели. Должна! Не в силу разницы общественного положения, не потому, что она вызывает семейный раздор, а потому, что это именно страсть, а не истинная любовь, способная дать союзу любящих прочность и благословение. Это было опьянение, за которым последовали отрезвление и раскаяние... последовали, но слишком поздно!

Луиза познакомилась с человеком, который, несмотря на свое мещанское происхождение, сумел приблизиться к аристократическим кругам. Это был человек чарующей наружности, которому удавалось всюду найти доступ. Он страстно жаждал блеска и наслаждения жизнью, но не обладал достаточными способностями, чтобы выбиться собственными силами. Словом, это был авантюрист чистейшей воды. Быть может, он и в самом деле полюбил графиню, а, возможно, хотел при ее помощи добиться положения в обществе, – как бы то ни было, но он сумел настолько пленить ее, что она решила стать его женой, несмотря на запрещение отца и осуждение всей семьи.

Конечно, граф Штейнрюк проведал об этом и взялся за дело со всей энергией. Увы! В данном случае она оказалась пагубной. Он рассчитывал повлиять на дочь властным отцовским словом, приказанием и угрозами, но вызвал этим лишь ее упрямое сопротивление, способность к которому она унаследовала от него же самого. Девушка категорически отказалась повиноваться, энергично воспротивилась всем попыткам принудить ее к немедленному обручению с родственником и, несмотря на строжайший надзор, сумела поддерживать отношения со своим избранником. Вдруг она исчезла, и через несколько дней стало известно, что графиня Луиза Штейнрюк стала госпожой Роденберг.

Несмотря на спешность и таинственность брака, его законность была неоспоримой – об этом уж позаботился Роденберг. Он рассчитывал, что граф Штейнрюк в конце концов не сможет отвергнуть супруга своей дочери, но это доказывало лишь, что он не знал графа. Штей-

³ Аллод, или аллодиальная собственность, – свободная, находящаяся в неограниченном распоряжении владельца собственности, в противоположность майорату, собственности, переходящей в порядке наследования к старшему из сыновей или старшему в роду.

нрюк ответил на извещение о бракосочетании тем, что полностью отрекся от дочери и запретил ей когда-либо показываться на глаза – отныне она более не существовала для него.

Граф остался при своем решении до самой смерти дочери и даже после нее. Сначала Роденберг делал попытки сойтись с отцом своей жены, но скоро ему пришлось убедиться, что у Штейнрюка ничего не выпросишь и не вынудишь. Тогда Роденберг снова кинулся в водоворот жизни искателя приключений, и для Луизы, всем пожертвовавшей своей любовью, настало ужасное время. Эта жизнь быстро свела ее в могилу, и уже давно вместе с ней была похоронена эта несчастная семейная трагедия.

* * *

Прошла неделя со дня похорон графа Штейнрюка. Граф Михаил, занявший апартаменты покойного, находился в комнате с окном-фонарем. Лакей только что доложил ему о том, что лесник Вольфрам, вытребованный им к этому часу, прибыл в замок. Сегодня граф был в парадном мундире, так как ему предстояло отправиться в соседний городок, куда он был приглашен на официальное торжество.

В тот момент, когда Вольфрам вошел в комнату, граф доставал из футляра звезду одного из высших орденов, богато украшенную и усыпанную бриллиантами. Заметив, что орденская лента отвязалась, он отложил раскрытый футляр в сторону и обернулся к посетителю.

На этот раз лесник был в полном параде. Он привел в порядок волосы и бороду и почистил свою охотничью одежду.

– А, это ты, Вольфрам! – благосклонно сказал граф. – Давненько мы не видались! Ну, как ты жил это время?

– Мне жилось вполне хорошо, ваше сиятельство, – ответил лесник, вытянувшись перед графом по-военному, – ведь у меня есть чем жить, и покойный граф был мною доволен. Правда, иной раз по целому году не приходится выходить из леса, да ведь наш брат к этому привык, и одиночеством нас не испугаешь.

– Но ты был женат, разве твоей жены больше нет в живых?

– Нет, она умерла пять лет тому назад, Господь, прими ее душу, а детей у нас никогда не было. Правда, меня не раз уговаривали снова повенчаться, только я не захотел. Кто вкусил однажды этой сладости, тот в другой раз не захочет!

– Значит, твой брак не был счастливым? – спросил Штейнрюк, по лицу которого при этом наивном заявлении скользнула мимолетная улыбка.

– Да ведь это как посмотреть! – равнодушно ответил лесник. – В сущности мы отлично ладили друг с другом. Конечно, ссорились мы по целым дням, но уж без этого никак нельзя, а если нам под руку попадался Михель, то мы вдвоем принимались за него, и на этом мирились.

Граф резко вскинул голову.

– За кого вы принимались?

– Да так... глупости... – смущенно буркнул Вольфрам в бороду.

– Уж не идет ли речь о мальчике, который был передан тебе на воспитание?

Лесник потупился под грозным взглядом графа и стал вполголоса оправдываться:

– Это ему не повредило, да и мы скоро кончили, потому что его высокопреподобие священник из Санкт-Михаэля запретил нам это. К тому же мальчишка с лихвой заслуживал побои.

Штейнрюк ничего не ответил. Разумеется, он знал, что мальчик попал в суровые, грубые руки, но слова Вольфрама неприятно поразили его, и он в достаточной мере немилостиво спросил:

– Ты привел с собой воспитанника?

– Да, ваше сиятельство, как мне было приказано.

– Пусть войдет!

Вольфрам вышел, чтобы позвать Михаила, ожидавшего в передней, а граф напряженно уставился на дверь, откуда в ближайшую минуту должен был появиться его внук, ребенок отверженной, безжалостно осужденной когда-то так любимой дочери. Может быть, он похож на мать, и Штейнрюк сам не знал, боялся ли он этого, или... страстно желал.

Но вот дверь открылась, и рядом с приемным отцом появился Михаил. Он тоже ради этого визита уделил внимание своей внешности, только ему это мало помогло: праздничное платье не красило его, да и было по покрою и виду мужицким. Густые, спутанные пряди волос так и не удалось пригладить. К тому же непривычная обстановка, в которую он попал, пугала и смущала Михаила, поэтому лицо его казалось еще бессмысленнее, чем обыкновенно, а неуклюжая манера держать себя и тяжеловесные движения делали его еще более уродливым.

Граф бросил быстрый, острый взгляд на Михаила и с выражением величайшего разочарования стиснул губы. Так вот каков был сын Луизы!

– Вот и Михель, ваше сиятельство! – сказал Вольфрам, не очень-то нежно подталкивая юношу вперед. – Да кланяйся же и поблагодари его сиятельство, что он принял участие и позаботился о тебе, бедном сироте!

Но Михаил не кланялся и не благодарил; его глаза были неподвижно устремлены на графа, производившего очень внушительное впечатление в военном мундире, и в этом созерцании Михаил забыл обо всем остальном.

– Ну, язык потерял, что ли? – нетерпеливо сказал ему Вольфрам. – На него нельзя сердиться, ваше сиятельство, это – глупость, не больше. Он и дома-то с трудом раскрывает рот, а когда видит так много нового, как сегодня, так и теряет последние остатки своего скудного разума.

Чувствовалось, что Штейнрюк должен был усилием воли побороть отвращение, когда он холодно и повелительно спросил:

– Тебя зовут Михаилом?

– Да, – ответил юноша, не отрывая взора от высокой, повелительной фигуры графа.

– Сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

– Чему ты учился и что делал до сих пор?

Этот вопрос поставил Михаила в большое затруднение. Он молчал, и за него ответил лесник:

– Да, в сущности говоря, он ничего не делал до сих пор, только по лесу бегал, ваше сиятельство. Да и едва ли он многому научился тоже. У меня нет времени заботиться об этом. Сначала он бегал в деревенскую школу, потом его высокопреподобие занялся с ним. Только, наверное, из этого мало вышло добра, потому что, как ни бейся, Михельничегошеньки не понимает!

– Но ведь он должен избрать себе какой-нибудь род деятельности! К чему он способен и чем он хочет стать?

– Ничем! Да и не годится ни на что! – лаконически ответил лесник.

– Однако тебе дают блестящий аттестат! – презрительно сказал граф юноше. – Целыми днями бегать по лесу – твоя работа, это во всяком случае не требует особенных трудов, ну, и учиться при этом много не нужно. Просто стыдно, что приходится говорить это такому здоровенному парню, как ты!

Михаил с удивлением взглянул на графа при этих словах, и мало-помалу лицо его стал заливать густой румянец.

А лесник поспешил подхватить:

– Да, я вот тоже думаю, что на Михеля надо рукой махнуть. Вы только посмотрите на него, как следует, ваше сиятельство! Из него по гроб жизни охотника не выйдет!

Видно было, что графу стоило больших трудов преодолеть свое отвращение, когда он коротко и повелительно сказал:

– Подойди ближе!

Михаил не двинулся с места, а стоял, словно не слыша приказания.

– Разве тебя не научили повиновению? – грозно сказал Штейнрюк. – Подойди ближе, говорю я тебе!

Михаил по-прежнему оставался неподвижным.

Тогда лесник счел необходимым придти на помощь. Он грубо схватил юношу за плечи, но натолкнулся на решительный отпор питомца, который резким движением освободился от него. В этом сказывалось одно лишь упрямство, но поведение Михаила можно было счесть трусостью, как это и принял граф.

– Вдобавок и трус еще! – пробормотал он. – Нет, довольно! – Он позвонил и сказал вошедшему лакею: – Пусть подадут экипаж! – Затем снова обратился к леснику: – А с тобой мне надо поговорить еще, иди за мной!

Он открыл дверь в соседнюю комнату и пошел вперед. Следуя за ним, Вольфрам пытался оправдать поведение своего питомца:

– Он испугался вас, ваше сиятельство, парень-то не из храбрых!

– Это и видно! – сказал Штейнрюк с величайшим презрением, ибо трусость принадлежала к числу таких пороков, которых граф не прощал, в его глазах она была несмываемым пятном. – Ну, да оставь это, Вольфрам, я знаю, ты здесь ни при чем. Только тебе, конечно, придется еще поддержать парня, так как он в лучшем случае годится для какого-нибудь горного лесничества. Пусть он там отупеет вконец, ни к чему другому в жизни он не годится!

Он ушел с лесником, не обращая больше внимания на Михаила, который неподвижно стоял на прежнем месте. Его лицо еще было покрыто густой краской, но оно уже не было теперь бессмысленным. Мрачно, со стиснутыми зубами, смотрел он вслед человеку, который так безжалостно осудил всю его будущность. Ему не раз приходилось слышать подобные речи из уст лесника, но слова Вольфрама не производили на него никакого впечатления. Совсем иначе звучали они из этих гордых уст, и презрительный взгляд графа болезненно пронзил его душу. В первый раз за свою жизнь он почувствовал, что обращение, к которому он привык с детства, было страданием и позором, пригибавшим его к земле.

Лакей ушел, чтобы отдать переданное ему приказание, и Михаил остался в комнате один. Сквозь широкое окно врывался поток солнечного света, ярко освещавшего письменный стол и всеми цветами радуги искрившегося на бриллиантах орденской звезды.

– Что ты здесь делаешь? – спросил вдруг детский голос.

Михаил обернулся. На пороге спальни, дверь которой оставалась открытой, стоял ребенок – маленькая девочка лет восьми, удивленно смотревшая на чужого.

– Я жду, – коротко ответил Михаил.

Должно быть, девочка – это была Герта, дочь скончавшегося графа Штейнрюка – удовольствовалась этим ответом, потому что она подошла к догоравшему камину и принялась дуть туда, любуясь, как от ее дыхания по головешкам пробегают искры. Наконец эта забава надоела ей, и она вновь обратила свое внимание на чужого юношу.

– Как ты попал сюда? – спросила она, подойдя к нему.

– Из леса, – также кратко, как и прежде, ответил Михаил.

– Далеко отсюда?

– Очень далеко.

– Тебе понравилось у нас в замке?

– Нет.

Герта с крайним изумлением посмотрела на него. Она задала вопрос только из снисходительности, а этот чужак вдруг заявил ей, что ему не нравится в графском замке! Девочка

задумалась, как ей отнестись к этому. Но тут ее взгляд упал на шляпу, которую держал в руке Михаил: она была украшена веткой больших чудных подснежных роз.

– Что за прелестные цветы! – восторженно воскликнула она. – Дай мне их! – и, жадно протянув маленькую ручку, она отцепила ветку, прежде чем Михаил успел сказать что-либо.

Он, видимо, был поражен, что так бесцеремонно распоряжаются его собственностью, но не сделал ни малейшей попытки помешать ей.

Завладев цветами, девочка отошла к камину и уселась там в кресло. Это было очаровательное создание, нежное и стройное, словно эльф. Рыжевато-золотистые волосы густым каскадом ниспадали на черный креп траурного платья и окружали прелестное личико девочки своеобразным ореолом.

Усевшись, Герта принялась доверчиво болтать с Михаилом и рассказывать ему всякую всячину. И – странное дело! – мало-помалу Михаил подходил все ближе и ближе к девочке, стал все охотнее и охотнее отвечать на ее расспросы. От этого ребенка исходила какая-то неведомая сила, которой Михаил не мог противостоять.

Разговаривая, Герта играла с цветами. Наконец, они надоели ей, и маленькая ручка принялась небрежно ощипывать белые лепестки.

Увидев это, Михаил нахмурился и сказал просительным тоном:

– Не надо ощипывать! Цветы было трудно найти!

– А мне они надоели! – объявила Герта, не прекращая своего разрушительного занятия.

Тогда Михаил без всяких околичностей схватил девочку за руку и силой заставил прекратить ее занятие.

– Оставь меня! – гневно крикнула крошка, изо всех сил стараясь освободиться. – Мне надоели твои цветы, да и ты тоже. Уходи прочь!

Теперь уже не одно детское упрямство звучало в ее словах. Это «и ты тоже» было произнесено с таким презрением, что Михаил сразу выпустил руку девочки, но в тот же момент выхватил из ее рук цветы.

Герта соскочила с кресла, губы ее задрожали, словно перед взрывом рыданий, но глаза метали гневные молнии.

– Мои цветы! Отдай мне мои цветы! – крикнула она, топая ногами.

В этот момент из кабинета вышел Вольфрам. Должно быть, он был отпущен очень милостиво, так как казался весьма довольным.

– Ну, пойдем домой, Михель! – сказал он своему питомцу.

Герте был знаком лесник, который всегда появлялся в замке во время больших охот, и, зная, что он – служащий ее отца, она сразу поняла, что с его помощью может добиться своего. Поэтому она сейчас же обратилась к нему.

– Я хочу получить мои цветы! – воскликнула она с резкостью избалованного ребенка. – Они – мои, он должен отдать их мне!

– Что за цветы? – спросил Вольфрам. – Эти подснежные розы? Ну, так отдай их ей, Михель! Ведь это – наша маленькая графиня, дочь наших господ!

Девочка с торжествующим видом трянула огненными кудрями и опять протянула руку за цветами. Но на этот раз Михаил был настороже и так высоко поднял руку с цветами, что Герта не могла достать их.

– Ну, скоро это будет? – нетерпеливо крикнул лесник. – Опять ты не понимаешь, что тебе толкуют? Ты должен отдать цветы маленькой графинюшке, сейчас же!

– Сейчас же! – повторила Герта, и теперь ее мягкий детский голос звучал резко и повелительно.

Михаил несколько секунд молча смотрел на маленького тирана, а затем неожиданно швырнул цветы в камин.

– Вон! Доставай их оттуда! – и он, повернувшись к ней спиной, вышел из комнаты.

– Ну, уж не поздоровится нынче парню! Дай-ка мне только домой прийти, уж проучу я тебя! – еле сдерживая бешенство, пробормотал Вольфрам, следуя за Михаилом.

Герта осталась одна в комнате. Она неподвижно стояла на месте и большими глазами смотрела вслед уходящим, но тут же спохватилась и быстро подбежала к камину. Пламя уже охватило нежные лепестки цветов, они на мгновение засверкали, словно какие-то сказочные растения, затем свернулись и рассыпались золой.

Сложив руки, девочка смотрела в огонь, мало-помалу ее глаза наполнялись слезами, и когда последний цветок обратился в золу, она вдруг разразилась тихими рыданиями.

* * *

Когда граф Штейнрюк вскоре после этого вошел в комнату, он никого не застал там. Взглянув на часы, он убедился, что пора ехать, и подошел к письменному столу, чтобы прицепить звезду. Футляр лежал на прежнем месте, но звезды там не было: должно быть, камердинер заметил, что ленты не хватает, и взял орден, чтобы исправить недостаток. Штейнрюк дернул за звонок.

– Орден! – приказал он вошедшему камердинеру. – Экипаж подан?

– Точно так, ваше сиятельство, подан! Но орден... ведь вы, ваше сиятельство, изволите сами убирать эти знаки отличия!

– Да, но у звезды не оказалось ленты. Я говорю про большую звезду с бриллиантами! Разве ты не заметил, что лента отвязалась?

Камердинер покачал головой.

– Я и не видал звезды; ведь я входил в комнату только на минутку, чтобы получить приказание вашего сиятельства насчет экипажа.

– И с тех пор ты не заходил в комнату?

– Даже не заглядывал.

– Был здесь кто-нибудь?

– Как же, сын лесника оставался здесь, когда я уходил, и мне кажется, что он был здесь слишком долго один.

В словах камердинера звучало ясно высказанное подозрение, но граф оборвал его резким жестом.

– Чушь! Об этом не может быть и речи! Вспомни, не был ли здесь кто-нибудь?

– Нет, ваше сиятельство, никто даже и в коридор не входил.

– Но спальня... в нее ведет дверь...

– Да, завешенная ковром, но она ведет непосредственно в комнату ее сиятельства вдовствующей графини.

Штейнрюк побледнел, его кулаки невольно сжались, но он всеми силами старался побороть усиливавшееся подозрение.

– Поищи! – приказал он. – Звезда должна найтись под бумагами или книгами, может быть, я сам сунул ее куда-нибудь!

Не дожидаясь помощи слуги, граф сам начал искать. Он знал наверное, что положил звезду в футляр, который оставил открытым, но, несмотря на то, что была поднята каждая бумажка, каждая книга и осмотрен каждый ящик, звезда не нашлась.

– Нет ее, – тихо сказал камердинер, – и если ваше сиятельство оставили ее в открытом футляре, то... остается только одно объяснение!

Штейнрюк ничего не ответил, он уже не сомневался более. Значит, воровство, подлое, низкое воровство! Это переполнило чашу его ненависти и презрения!

Наступило недолгое молчание. Наконец граф спросил:

– Вольфрам еще в замке?

– Я думаю – да, он хотел зайти к кастеляну.

– Тогда позови мне сюда его сына! Но ни слова о происшедшем ни ему, ни леснику. Ты передашь приказание, и только!

Камердинер ушел, и Штейнрюк на мгновение закрыл глаза руками. Это было ужасно! Хотя, с другой стороны, разве так уж необыкновенно для отпрыска подобного рода? Что у Михаила нет ни единой капли крови от матери, это видно уже по наружности, ну, а кровь, которую он унаследовал от отца... она-то и сказала именно теперь и доказывала, что этого парня по праву надо оттолкнуть.

Когда Михаил вошел в комнату, граф стоял, выпрямившись, и был полон обычной стальной решимости.

– Закрой дверь и подойди сюда! – приказал он.

На этот раз Михаил повиновался, не дожидаясь повторения приказания. Он подошел к графу, а тот впился в него сверкающим взглядом и, показывая на пустой футляр, спросил:

– Знаешь ты это?

Михаил медленно покачал головой: он не мог понять странный вопрос.

– Этот футляр лежал здесь, на письменном столе, – продолжал Штейнрюк, – но он не был пуст, в нем находилась звезда со сверкающими камнями. Ты и ее тоже не видел?

Михаил подумал, что это, вероятно, и блестело так на столе в потоке солнечных лучей. Но он не присматривался внимательно к сверкающему предмету.

– Ну? Я жду ответа! – сказал граф, не отрывая взора от лица Михаила. – Куда девалась звезда?

– Да я-то как могу знать это? – спросил Михаил, все более удивляясь странным вопросам.

Губы графа скривились горькой усмешкой.

– Ты и в самом деле не знаешь? Видно, ты вовсе не так прост, как притворяешься... Где звезда? Я хочу знать!

Грозный тон последних слов наконец уяснил парню истину: он стоял, словно пораженный молнией, и казался таким растерянным, таким смущенным, что Штейнрюк окончательно уверовал в его виновность.

– Признайся, парень! – сказал он тихим голосом, который однако был страшен. – Отдай украденное и благодари Создателя, если я отпущу тебя с миром! Слышишь? Отдай назад украденное!

Михаил вздрогнул, словно ему нанесли смертельный удар, но в тот же момент гневно крикнул:

– Я – вор? Я должен...

– Тише! – резко оборвал его Штейнрюк. – Я не желаю шума, не хочу привлекать внимание, но ты не сойдешь с места, пока не сознаешься. Признавайся!

Он схватил юношу за руку, и его пальцы, как стальные тиски, впелись в тело Михаила. Однако последний мгновенно освободился от них одним сильным движением и хрипло сказал:

– Оставьте меня! Не смейте еще раз повторить мне это, или...

– Уж не собираешься ли ты угрожать мне? – граф принял его вспышку за проявление крайней наглости. – Берегись! Еще одно слово, и я забуду, что должен щадить тебя!

– Но я – не вор! – пронзительно крикнул Михаил, – и если кто осмелится назвать меня так, того я положу на месте! – и с этими словами он, схватив с ближайшего стола тяжелый серебряный канделябр, замахнулся им над головой графа.

Штейнрюк отступил на шаг, но не из страха перед этой угрозой, а от картины, представившейся ему. Куда девалось бессмысленное, мечтательное выражение лица, куда исчез неуклюжий дурачок-простофиля? Словно раненый лев, стоял перед ним Михаил, готовый броситься на более сильного врага, и глаза Штейнрюка, которые сверкали таким уничтожающим огнем,

встретились со взглядом других глаз, таких же темно-синих, как и его собственные, и сверкающих не менее уничтожающим огнем... Нет, трус не мог смотреть так, да и вор тоже...

Вдруг дверь распахнулась – в прихожей послышался шум резких голосов – и на пороге показался лесник, за которым виднелось испуганное лицо камердинера.

– Да ты взбесился, что ли? – крикнул своему питомцу Вольфрам, кидаясь на помощь своему господину и хватая Михаила за плечо.

Но юноша стряхнул его с себя, как стряхивает матерый волк насевшую на него свору, бешено шваркнул канделябром об пол и бросился к двери.

Однако камердинер загородил ему дорогу, крикнув леснику:

– Держите его! Он обокрал его сиятельство!

Вольфрам, собиравшийся схватить своего питомца, в страшном изумлении остановился:

– Михель – вор?!

Из груди Михаила вырвался стон, такой дикий и страдальческий, что Штейнрюк бросился к юноше. Он хотел удержать, остановить его, но было уже слишком поздно: пораженный ударом кулака камердинера рухнул на пол, а Михаил бросился мимо него в открытую дверь.

Глава 4

Лесник Вольфрам вошел в церковный дом Санкт-Михаэля, где его, должно быть, ждали, так как священник встретил его уже в сенях.

– Ну, Вольфрам, все еще никаких известий?

– Нет, ваше высокопреподобие, парня и след простыл, а вот из замка я вам принес весточку, я как раз оттуда.

Отец Валентин открыл дверь в рабочую комнату и знаком пригласил лесника следовать за ним. Должно быть, весть из замка не казалась ему такой важной, как вопрос, который он повторил с явным беспокойством:

– Значит, Михаил и сегодня не являлся домой?

– Да нет же, ваше высокопреподобие.

– Третий день о нем нет ни слуху, ни духу! Где же его искать? Только бы с ним ничего не случилось!

– Ну, такому все – как с гуся вода, – ответил лесник с грубым смехом. – Бродит где-нибудь вокруг да около и не решается вернуться домой, потому что знает, что его ждет, там. Но когда-нибудь ему все равно придется вернуться, и тогда сохрани его Бог!

– Что вы хотите делать, Вольфрам? Вспомните свое обещание!

– Свое обещание я держал, пока с этим негодяем можно было хоть как-нибудь справиться, но теперь конец! Если он думает, что смеет все швырять и драться, так пусть узнает, что есть человек, который найдет на него управу, и это он будет чувствовать до тех пор, пока у меня будет в силах подниматься рука!

– Вы не тронете Михаила ни единым пальцем, пока я сам не поговорю с ним! – строго сказал священник. – Значит, вы из замка? Ну, нашлась наконец пропажа?

– Как же, еще в тот же день! Маленькая графинюшка захватила блестящую звезду, как игрушку, побежала с ней в свою комнату и в конце концов принесла ее матери. Тогда все объяснилось.

– Значит, все произошло из-за детского баловства! – с горечью сказал отец Валентин. – Такое позорное обвинение без всяких доказательств...

– Но почему же Михель не раскрыл рта и не ответил? Я-то уж сумел бы оправдаться; но Михель, наверное, стоял, как дубина, а когда за него взялись, как следует, он взъерепенился, словно подстреленный медведь. Броситься на его сиятельство! Просто не поверишь этому!.. Но ведь я-то своими глазами видел, как он стоял с подсвечником в руке! А в конце концов мне придется отдуваться из-за этого проклятого парня. Сегодня граф был ужасно немилостив, не сказал мне и пары слов и только велел передать вашему высокопреподобию вот это письмецо. – и с этими словами лесник подал священнику письмо.

– Хорошо, Вольфрам, теперь идите, и если Михель покажется в лесничестве, то сейчас же пошлите его ко мне. Но я еще раз запрещаю вам бить его, сначала я должен поговорить с ним.

Лесник ушел, ворча на то, что ему приходится откладывать в долгий ящик наказание, заслуженное «проклятым парнем». Между тем отец Валентин, оставшись один, вскрыл письмо, полученное им от графа, и прочел следующее:

Ваше высокопреподобие! Пропажа нашлась, и высказанное мною подозрение оказалось необоснованным. Что же касается поведения Вашего протеже, то вместо того, чтобы защищаться и разъяснить всю эту историю, он повел себя, словно бешеный, и осмелился даже открыто напасть на меня. Обо всем этом Вы осведомлены через Вольфрама и, конечно, поймете, что теперь я уже никак не могу пойти навстречу Вашим желаниям.

Этот грубый, придурковатый парень, полный необузданной дикости, всецело принадлежит той сфере, для которой он был предназначен с самого начала и в которой он только и мыслим. Вольфрам – как раз тот человек, который может сдержать его, и парень останется под его надзором. Воспитывать такие натуры – напрасный труд, и я уверен, что после всего происшедшего Вы согласитесь со мною.

*Михаил,
граф Штейнрюк.*

Священник скорбно опустил листок.

– И ни слова сожаления о несправедливом обвинении, только осуждение и презрение. И это – кровь от его крови!..

– Ваше высокопреподобие! – послышалось у двери.

Отец Валентин вздрогнул, и вздох облегчения вырвался из его груди.

– Михаил! Наконец-то! Слава Богу!

– Я думал... вы меня... прогоните, – тихо сказал Михаил.

– Сначала я должен выслушать тебя. Но что ж ты стоишь у порога? Войди же!

Юноша медленно подошел ближе. На нем был все тот же праздничный костюм, что и в тот роковой день, но, видимо, выдержавший за последние дни бурю и непогоду.

– Я очень тревожился за тебя, – с упреком сказал отец Валентин. – В течение двух суток о тебе не было никаких известий. Где ты пропадал?

– В лесу.

– А где ты проводил ночи?

– В пустых пастушьих хижинах наверху.

– В бурю и холод? Почему ты не вернулся домой?

– Лесник стал бы бить меня, я знаю, но теперь я больше не позволю себя бить. Я хотел избавиться и его, и себя от того, что произошло бы из-за этого!

Он отвечал каким-то беззвучным голосом, но это уже не было прежнее равнодушие. Во всем существе Михаила чувствовалось что-то новое, мрачное, что не вязалось с его прежними манерами.

Священник с изумлением посмотрел на него.

– Тогда ты должен был прийти ко мне, я ждал этого!

– Вот я и пришел, ваше высокопреподобие, а что вам про меня наговорили, так это – неправда. Я – не вор...

– Я знаю! Я ни на минуту не сомневался в тебе, а теперь подозрение окончательно снято с тебя. Пропажа нашлась: маленькая графиня Герта захватила звезду, как игрушку.

Михаил откинул мокрые волосы со лба, и на его лице появилось неопишимо горькое выражение.

– А, так я обязан всем происшедшим этой девчонке с золотыми кудрями и злыми глазенками?

– Малютка не виновата, она, по обыкновению избалованных детей, схватилась за то, что показалось ей подходящей игрушкой. Вся вина на тебе: если бы ты вел себя спокойно и умно, то очень может быть, что дело сейчас же объяснилось бы. А вместо этого... Михаил, возможно ли, что ты поднял руку на графа?

– Он назвал меня вором! – стиснув зубы, буркнул Михаил. – Он даже не спросил, виноват ли я, а просто стал требовать, чтобы я вернул украденное...

В его словах чувствовалась бесконечная горечь, и отец Валентин понял, что юноша возбужден почти до потери самообладания.

– К тебе были несправедливы, очень несправедливы, – сказал он, – но ты не имел права впадать в такое бешенство, и теперь последствия твоей необузданности всей тяжестью падут

на тебя же. Вполне понятно, что граф возмущен твоим поведением. Отныне ты не можешь более рассчитывать на его покровительство, он не желает и слышать о тебе!

– Не желает? А все-таки он еще услышит обо мне.

– Что ты хочешь сказать этим? Уж не...

– Да, я отправлюсь к нему! Теперь он знает, что незаслуженно оскорбил меня, и должен взять свои слова обратно.

– Ты хочешь потребовать к ответу графа Штейнрюка? – с видом величайшего изумления воскликнул священник. – Что за нелепая мысль! Ты должен отказаться от нее!

– Нет! – сухо и холодно возразил Михаил.

– Михаил!

– Нет, ваше высокопреподобие, от этого я не откажусь, несмотря даже на ваше запрещение! Я спрошу графа, как он смел назвать меня вором!

Все мысли юноши вращались вокруг этого пункта, и словно каленым железом жгло его душу нанесенное оскорбление. Отец Валентин не знал, что делать, он чувствовал, что его власти недостаточно, чтобы смирить дикую жажду мести, которой был объят юноша, и это наполняло его страхом. Ведь если Михаил на самом деле осмелится потребовать графа к ответу, а граф попытается смирить «грубого, придурковатого парня», то может произойти непоправимое несчастье, которое необходимо предупредить какой угодно ценой.

– Я никогда не мог подумать, что мой голос настолько ничтожен в твоем мнении, – скорбно сказал священник. – Ну, в таком случае мне придется поговорить с тобой иначе! Прав ли был граф, или нет, но с твоей стороны было преступлением поднять на него руку. Ты не смеешь никогда – слышишь ли? – никогда подходить к нему с враждебными намерениями, потому что граф Штейнрюк стоит к тебе гораздо ближе, чем ты можешь думать!

– Ко мне? Граф Штейнрюк?

– Да. Я предпочел бы, чтобы до поры, до времени это продолжало оставаться тайной для тебя, но твое безумное поведение вынуждает меня открыть тебе уже сейчас эту тайну. Если бы ты напал на него, ты поразил бы... своего дедушку!

Михаил вздрогнул и впился в священника широко открытыми глазами.

– Моего дедушку? Так он...

– Отец твоей матери, да! Но ты не должен возлагать никаких надежд на эту родственную связь, потому что твоя мать была лишена наследства, отвергнута, из-за своего брака она была навсегда выброшена из семейного круга и оттого погибла!

Он замолчал и посмотрел на Михаила, который, видимо, переживал минуты величайшего волнения. Наконец юноша глухо сказал:

– А больше... больше вы мне... ничего не скажете?

– Нет, сын мой, в данный момент ничего! Это – тяжелая история, бесконечная цепь вины и несчастья, еще далекая от твоего понимания. Позднее, когда ты станешь старше, ты узнаешь все, а теперь удовольствуйся тем, что знаешь. Надеюсь, ты понимаешь, что особа графа Штейнрюка священна для тебя?

– Священна? Уж не потому ли, что он прогнал меня, как вора, со своего порога? Он знал, что он – дедушка мне, и все же так обошелся со мною! Ваше высокопреподобие, вам не следовало говорить мне об этом! Я ненавижу графа, потому что он был черств и безжалостен к чужому, но теперь... теперь я его...

– Бога ради! – вскрикнул отец Валентин, испуганный страшным выражением лица Михаила. – Ведь не хочешь же ты...

– Не беспокойтесь, ваше высокопреподобие, я не трону его! Ведь теперь я знаю, что не смею поднять на него руку, но я готов отдать жизнь, лишь бы мне представился случай рассчитаться с ним иным образом! – и, сказав это, Михаил с выражением дикой энергии направился к дверям.

– Куда ты? – поспешно крикнул священник. – В лесничество?

– Нет, там мне нечего делать больше, теперь уже окончательно нечего! Прощайте, ваше высокопреподобие!

– Останься! Куда ты пойдешь?

– Не знаю... прочь отсюда... в широкий мир...

– Один? Без Всякой помощи, не имея понятия о жизни? Что же станет с тобой?

– Погибну, как погибла моя мать...

– Нет, это не должно случиться! – с силой крикнул священник. – Если мое священнослужительство связывает мне руки, если я сам не могу заботиться о тебе, то я могу вверить эту заботу другому. Это было указанием Провидения, что брат именно сейчас попал сюда, он не откажет мне в помощи, я знаю его!

Михаил мрачно покачал головой.

– Пустите меня, ваше высокопреподобие, ведь я привык к толчкам и дурному обращению, мне не хотелось бы стать в тягость постороннему. Да и не может мне прийтись хуже, чем было, когда я жил у родителей. Мы с матерью никогда не слышали доброго слова от отца, но колотил он нас обоих довольно часто... В лесничестве дело обстояло так же, только мне не приходилось больше голодать.

Отец Валентин внутренне содрогнулся, подумав о женщине, которую когда-то знал в сиянии красоты и счастья. Так вот каков был ее конец!.. Что за страшная картина глубины человеческого несчастья!

– Ты не уйдешь, Михаил, – ласково, но решительно сказал он. – О возвращении в лесничество не может быть и речи, временно ты останешься у меня, пока не придет ответ от моего брата. Конечно, я заранее знаю, каков будет этот ответ, а впредь, до его получения, ты будешь под моей защитой.

Михаил не противоречил и не делал более попыток уйти. Молчаливо и мрачно вернулся он в комнату и, скрестив на груди руки, подошел к окну. Его лицо выражало непривычную энергию... Да, лунатик проснулся, когда его окликнули по имени, но что за грубый оклик это был и как ужасно пробуждение!

Глава 5

Туманное утро превратилось в золотисто-ясный осенний день, снявший с горных вершин угрюмую пелену и наполнивший доли ярким солнечным светом.

Маленький городок, живописно раскинувшийся в устье долины, в каком-нибудь часе расстояния от замка Штейнрюк, имел счастье дать приют знаменитому гостю. Профессор Ганс Велау, имя которого уже давно прорвало тесный круг специалистов и стало известным всему миру, гостил у своего зятя, бургомистра городка. Вот уже десять лет профессор жил в столице северной Германии, где занимал выдающееся положение в местном университете. Со времени смерти жены он до известной степени отдалился от общества, к тому же призвание обоих его сыновей заставляло их жить врозь: младший заканчивал в другом университете изучение естественных наук, начатое им под руководством отца, а старший – приемный сын, ребенок одного из покойных друзей профессора, – избрал военную карьеру и стоял с полком в провинциальном городе. Но поездку в горы к родным было решено предпринять совместно. Профессор жил здесь уже несколько недель, а его сыновья прибыли только накануне.

Чинный и обширный дом городского головы находился на базарной площади, и верхний этаж его был предоставлен в распоряжение гостей. Сама хозяйка дома выбивалась из сил, чтобы сделать как можно приятнее жизнь мужу ее покойной сестры, и это было тем доблестнее с ее стороны, что в сущности она была с ним не в ладах. Она непрерывно колебалась между почтением к его славе, льстившей ее родственным чувствам, и отвращением к «безбожному» естествознанию, которому он был обязан этой славой. И немало горя причиняла ей мысль, что ее племянник, которого, не имея собственных детей, она любила как родного сына, должен был посвятить себя этой безбожной науке в силу решительного требования отца.

Было еще довольно рано. Профессор стоял у окна своей комнаты и смотрел на базарную площадь. Велау мало изменился в прошедшее время. У него было то же умное лицо с саркастическими чертами и пронзительными глазами, только волосы совершенно поседели. Рядом с ним стояла его статная свояченица, про которую злые языки говорили, что как городской голова управляет городом, так и она лично управляет им самим.

– Значит, наши парнишки благополучно прибыли! – сказал профессор, бывший, видимо, в отличном расположении духа. – Ну, теперь у вас в доме не будет недостатка в шуме и беспокоействе, потому что Ганс все перевернет вверх тормашками, ты его сама знаешь. Впрочем, они оба совсем молодцы, особенно Михаил, ставший настоящим мужчиной.

– Ганс гораздо красивее и любезнее, – категорически заявила его собеседница. – У Михаила вообще нет и следа обоих этих качеств!

– Согласен... по крайней мере для вас, женщин! Зато он обладает такой серьезностью и энергией, которые должны бы послужить хорошим примером нашему ветрогону. Шутка ли сказать – такой молодой офицер вдруг прикомандировывается к генеральному штабу! Он порадовал меня по своему приезду этой новостью. Ну, а Ганс, наверное, не без труда добьется докторского диплома!

– Мальчик не виноват, – возразила бургомистерша. – У него с самого начала не лежало сердце к этому поприщу. Когда ты заставил Ганса похоронить свой чудный талант, сколько тайных слез стоило это моей сестре!

– А тебе это стоило целых потоков слов! – насмешливо заметил профессор. – Да, в то время вы порядком отравляли мне жизнь; ведь вы вошли в заговор с мальчишкой, пока я наконец не сказал властного слова, которому он должен был подчиниться!

– С отчаянием в сердце! Вместе с артистической грезой ты лишил его всей поэзии жизни!

– Отстань ты от меня, пожалуйста, с поэзией! – перебил ее Велау. – С этой дамой я совсем не в ладах, потому что по большей части она приносит только несчастье и сбивает людей с

толку. Ну, своему-то сынку я вовремя вправил мозги, как следует! Только я никогда не видел у него и тени отчаяния, да он вообще не имеет к отчаянию ни малейшего таланта!

– Доброго утра, отец! – крикнул в этот момент звонкий юношеский голос, и в дверях показался предмет спора.

Ганс Велау младший был стройный красавец двадцати четырех лет, но его наружности далеко еще не хватало достоинства будущего профессора. Соломенная шляпа задорно и косо сидела на темно-русых волосах, а в живописном костюме чувствовался скорее художник, чем ученый. На юношески свежем лице сверкала пара веселых, смеющихся глаз, и весь его вид был таким удивительно располагающим, что отцовская гордость, с которой профессор смотрел на сына, была вполне понятной.

– А, вот и ты, ветрогон! – весело сказал он. – Я только что говорил тетке, что в доме теперь все пойдет колесом, как и всегда, когда ты достаиваешь его своим посещением!

– О, нет, отец, на этот раз я предполагаю быть рассудительным, невероятно рассудительным! – отозвался Ганс и сейчас же дал доказательство твердости своего намерения, схватив за талию тетку и принявшись отчаянно кружить ее по комнате.

– Да оставишь ли ты меня в покое, злой мальчик! – задыхаясь, заворчала она, когда он наконец выпустил ее из объятий и почтительно раскланялся, сняв шляпу.

– Прости, тетя, но это было необходимым вступлением к моему посланничеству. В кухонном департаменте требуется твое присутствие, и я охотно взял на себя поручение довести это до твоего сведения, так как вообще люблю быть полезным по хозяйству!

Стремление племянника быть полезным показалось хозяйке дома явно подозрительным, и она недовольно спросила:

– Что тебе надо было на кухне?

– Господи, я только поздоровался со старой Гретель! – ответил Ганс с самым невинным лицом.

– Вот как? Ну, а молоденькой Лени при этом, конечно, не было?

– Я приказал представить мне Лени, потому что ее я ещё не знал. Для меня, как близкого родственника хозяйки дома, это было обязанностью. О, у меня ужасно хозяйственные наклонности!

– Милый Ганс, – решительно сказала ему тетка, – твои «ужасно хозяйственные наклонности» мне решительно ни на что не нужны, и если эти наклонности еще раз заведут тебя на кухню к девушкам, то я прикажу держать дверь на запоре, заруби себе это на носу, – и с этими словами она величественно выплыла из комнаты.

– Берегись! – сказал профессор. – Хоть ты и большой любимчик тетки, но в этом пункте она не признает шуток. И она совершенно права. Ну, да по крайней мере она может успокоиться по поводу твоего отчаяния. Она упорно твердит, будто ты несчастен в своем призвании!

– Нет, отец, я далеко не несчастен, – заверил молодой человек, усаживаясь верхом на стуле и с удовольствием озираясь вокруг.

– В этом я никогда и не сомневался. Подобные вздорные мысли пропадают сейчас же, как только начинаешь заниматься серьезными делами!

– Ну, конечно, отец! – согласился Ганс, старательно раскачивая стул, что его, по всей видимости, очень забавляло.

– А что может быть серьезнее науки? – продолжал Велау. – К сожалению, в последнее время у меня было... Ганс! Стулья сделаны вовсе не для верховой езды, от этих студенческих замашек пора отучиться, они не приличествуют докторанту! В последнее время я был слишком занят, чтобы основательно проверить твои работы. Ты ведь знаешь, что труд, который я только что закончил, совершенно поглощал все мое время. Но теперь я свободен и могу наверстать упущенное.

– Ну, разумеется, отец! – произнес Ганс, который оставил в покое стул, но зато уселся на стол и болтал ногами.

К счастью, профессор не видел этого, поскольку как раз прибирал что-то на своем письменном столе, говоря:

– Студенческие времена уже прошли для тебя, и я надеюсь, что с ними кончилась и студенческая распущенность. Я очень рассчитываю на твою серьезность, когда начну вводить тебя в высшую науку. Собери все свои силы, Ганс! Когда-нибудь ты будешь мне благодарен, заняв мою профессорскую кафедру!

– Ну, конечно, отец! – согласился в третий раз покорный сын, соскакивая в тот же момент со стола, так как отец обернулся и послал ему негодующий взор.

– Неужели ты не можешь отделаться от этих ухваток заправского бурша! Бери пример с Михаила! Вот он никогда не позволит себе ничего подобного!

– О, нет, конечно, нет! – рассмеялся Ганс. – Господин лейтенант и дома является воплощенным регламентом о службе. Вечно при оружии, вечно застегнут до самой шеи. Кто бы мог подумать это, когда он в первый раз пришел к нам! Тогда он был пугливым, придурковатым мальчишкой, смотревшим на мир и людей, как на что-то невиданное и неслыханное. Мне пришлось с самого начала взять его под свое крылышко.

– Ну, мне кажется, он скоро вырос из-под твоего крыла! – насмешливо заметил профессор.

– К сожалению! Теперь наши роли переменились, и он командует мной. Но согласись, отец, что и ты сам вначале отчаивался сделать из него что-нибудь путное!

– Что касалось внешней формы, то да. Но уже тогда выяснилось, что он учился гораздо больше, чем я мог ждать: мой брат оказался отличным учителем. Когда же Михаил очнулся, то принялся за работу с такой энергией, с такой поразительной выдержкой, что мне не раз приходилось дивиться ему!

– Да, Михаил всегда был твоим любимцем, – сказал Ганс – Его ты никогда ни к чему не принуждал и сразу согласился, когда он захотел стать военным. А вот я...

– Ты – совсем другое! – перебил его отец. – Михаил должен был сам избрать свой путь и обеспечить себе будущее, и с таким характером, как у него, лучше всего стать военным. Ну, а ты должен пожать мой посев, и потому тебе придется остаться на моем поле...

Выражение лица молодого человека ясно говорило, что он плохо мирится с этой необходимостью. Вдруг он вскочил и радостно крикнул:

– А вот и Михаил!

Глава 6

Десять лет – большой срок в человеческой жизни и имеет еще большее значение, если приходится на пору развития. Но превращение, которое произошло с Михаилом, производило впечатление чего-то чудесного. Бывший приемыш лесника Вольфрама и молодой офицер, только что вошедший в комнату, – были две совершенно противоположные личности, не имеющие между собой ровно ничего общего.

Конечно, красавцем Михаил Роденберг не стал и в этом отношении значительно уступал Гансу Велау, но тем не менее он был одной из тех фигур, которые никогда и нигде не остаются незамеченными. Его мощная, мускулистая фигура казалась созданной для мундира и шпаги, вся неуклюжесть, отличавшая подростка Михеля, исчезла и сменилась бравой военной выправкой. Густые белокурые выющиеся волосы подчинились наконец гребню и щетке, не поступившись своей пышностью, а такая же белокурая борода обрамляла лицо, которое никоим образом не могло претендовать на красоту, но и не нуждалось в ней. Теперь это было уже не юношеское лицо. Энергичное, очень выразительное, оно принадлежало зрелому мужу, может быть, даже преждевременно созревшему, потому что каждая его черта говорила о серьезности и суровости, не свойственных юности.

Во взоре тоже не было прежней сонливой мечтательности: взгляд Михаила Роденберга стал уверенным и пронизательным, только вот к жизнерадостности и воодушевлению взгляд этих глаз, казалось, не был привычен. Во всем существе молодого человека чувствовалось что-то холодное, да и вообще он представлял собой воплощенное олицетворение солдата до мозга костей.

– В мундире? – недовольно воскликнул профессор, когда Михаил подошел к нему с кратким приветствием. – Разве тебе предстоит здесь официальные визиты?

– Отчасти да. Я должен побывать в Эльмсдорфе. Мой бывший полковой командир, полковник фон Реваль, с тех пор как вышел в отставку, обыкновенно проводит летние и осенние месяцы в своем имении. Наверное, он полагает, что я уже давно здесь, потому что вчера по приезде я застал записку, в которой полковник пригласил меня на сегодня в Эльмсдорф. Я надеюсь, что тетя простит меня: полковник всегда выказывал мне особенное дружеское расположение.

– Да, ведь ты был его любимцем, – вмешался Ганс. – Когда он вернулся после окончания датской войны⁴, то лично отправился к отцу, чтобы поздравить его с таким сынком, как ты. Я тогда был просто в бешенстве. Еще бы! Целыми неделями я только и слышал, что хвалебные гимны по твоему адресу и весьма нелестные сравнения в мою сторону! Да, твои геройские деяния были для меня крайне неудобны!

– С таким сынком, как ты, меня еще никто никогда не поздравлял, – довольно резко заметил старик Велау. – Между прочим, я ждал вас уже на прошлой неделе. Почему вы так запоздали?

– Из-за Михаила! Ведь он должен был сначала отвести домой своих солдат. Когда я отправился за ним, то натолкнулся на необыкновенное счастье...

– Как и всегда, конечно! – вставил профессор.

– Ну да! Я уже приготовился проскучать целую неделю в маленьком провинциальном городе, и что же я слышу, приехав? Михаил обретается в трех милях отсюда в прелестном курорте, в окрестностях которого происходят маневры. Разумеется, я сейчас же направился туда, благословляя мудрую распорядительность военных властей. Нечего и говорить, что господин лейтенант по уши вошел в служебный долг и оставался глух решительно ко всему, даже

⁴ Датско-немецкая война 1848–1850 гг. из-за Голштинии.

к такому знакомству, в котором ему завидовал весь офицерский состав, тогда как он сам не знал, что ему с этим знакомством делать! Иначе говоря, не было возможности найти доступ к графине Штейнрюк, потому что она была очень больна.

При этом имени профессор насторожился и испытующе посмотрел на Михаила.

– Графиня Штейнрюк?

– Графиня фон Штейнрюк ауф Беркгейм⁵! Ведь ты знаешь, графиня говорила, будто ты еще молодым врачом бывал в доме ее свекра и по ее просьбе поспешил к ее умирающему мужу, за что она до сих пор благодарна тебе.

– Ну, конечно, я ее знаю. Но каким образом ты завел это знакомство, Михаил?

– Случайно, – лаконически ответил лейтенант.

– Во всяком случае его вины тут не было, – съязвил Ганс с непринужденностью, которая доказывала, что он не имел понятия о значении имени Штейнрюк в жизни Михаила. – Я подробно расскажу тебе всю эту историю, отец, она начинается высоко романтически. Так вот, Михаил сидит в лесу, то есть, иначе говоря, муштрует своих солдат и командует упражнениями в стрельбе. В это время по шоссе, которое проходит неподалеку от того места, проезжает экипаж. Лошади пугаются выстрелов, кучер теряет вожжи, и опасность неминуема! Вдруг из леса несется рыцарь, укрощает испуганных животных, вытаскивает впавших в глубокий обморок дам и...

– Да не отступай же от истины, Ганс! – недовольно перебил рассказчика молодой офицер. – Ни опасность, ни рыцарский подвиг вовсе не были так велики, как тебе благоугодно это изобразить. Я заметил, что лошади начинают пугаться, и подскочил, чтобы предупредить несчастье. Но лошади сейчас же остановились, как только я схватил их под уздцы, а дамы спокойно остались в экипаже. Ты непременно должен все возвести в область поэзии!

– А ты во что бы то ни стало низводишь все в область трезвой прозы, – сердито возразил Ганс. – Я слышал эту историю от самой графини, которая так же категорически утверждает, что ты был ее спасителем, как ты отрицаешь это!

Михаил пожал плечами и обратился к профессору:

– Графиня и в самом деле утверждала это, а поскольку дом, в котором я жил, находился в близком соседстве с занимаемой ею виллой, то мне никак не удавалось избежать частых встреч с нею. Но я был чрезвычайно занят службой, и у меня было мало свободного времени.

– Ну, да, у него всегда и вечно служба! – возмущенно крикнул Ганс. – В конце концов его просто нельзя было повидать хоть на минутку. Мне с большим трудом удалось добиться, чтобы он представил меня дамам. Но, сделав это, он сейчас же ушел, предоставив мне как угодно объяснить им его поведение. Дамы были с ним в высшей степени любезны, а он оставался какой-то ледяной сосулькой!

– Наверное, у Михаила были для этого свои основания, – холодно сказал профессор, – и если он считал нужным держаться в стороне от них, то ты должен был следовать его примеру.

– Нет, это было попросту невозможно, так как молодая графиня слишком прекрасна для этого. Она словно выскочила из мира наших сказок – чудные золотистые волосы, глаза – как звезды... Ах, эти глаза могут с ума свести!

⁵ Дословно «на Беркгейме». У немцев (так же, как, например, у поляков) к фамильному родовому имени прибавлялось еще название поместья (замка), принадлежавшего данному ответвлению рода. Таким образом, частица «фон» обозначала происхождение семьи, частица «ауф» – ее местопребывание. Это было необходимо в тех случаях, когда на основании аллода имение не переходило к одному старшему сыну, а делилось отцом по завещанию между всеми сыновьями. Таким путем создавалось несколько семейств владетельных баронов, которых надо было различать. Так получались, например, бароны фон Эйзенах ауф Биркенвердер и бароны фон Эйзенах ауф Гольдкрам, то есть, господа из Эйзенаха, сидящие на поместье Биркенвердер, и господа из Эйзенаха, сидящие на поместье Гольдкрам. Это объяснение читателю необходимо будет вспомнить при предстоящей в дальнейшем встрече Ганса Велу с бароном Эберштейном.

– И язвительно высмеять тоже, – добавил Михаил холодным тоном, странно контрастировавшим с энтузиазмом Ганса. – Берегись этих глаз, Ганс! Слишком тяжело, когда тебя сначала подманят, а потом высмеют!

– Ты хочешь сказать, что графиня Герта очень высокомерна? Что же, и я не уверен, что простому смертному, не могущему насчитать по крайней мере восемнадцать предков, подадут великолепнейшую карету, если он осмелится посвататься за графинюшку. Но ввиду того, что я совершенно не домогаюсь этой чести, подобные соображения отнюдь не мешают мне восхищаться ею. И если бы даже я допустил этим глазам зачаровать меня, то...

– Это уж ты потрудись оставить! – внушительно оборвал его отец. – Теперь тебе нечего думать ни о сказках, ни о «глазах, как звезды». Попрошу раз и навсегда выкинуть из головы подобную чушь и думать исключительно и только о предстоящей диссертации!

При этих словах молодые люди обменялись быстрым многозначительным взглядом, а затем Михаил сказал с легким оттенком насмешки:

– Не беспокойся, дядя! Если бы даже Ганс и в самом деле воспламенился, то для него это не представляет опасности: с ним это довольно часто случается!

– Ну да, до сих пор он слишком много ребячился и глумился, но отныне должен постараться настроиться на серьезный лад. Я нарочно освободился сегодня до обеда, и мы можем наконец подробно поговорить с тобой о твоих занятиях, Ганс. До сих пор я имел только поверхностное понятие о твоих успехах и желаю основательно порасспросить тебя. Я сейчас приду: только еще раз внушу Лени, чтобы она не забыла о сегодняшней почте!

Профессор вышел из комнаты. Ганс посмотрел ему вслед, скрестил руки и сказал вполголоса:

– Вот когда взорвется бомба!

– Не относись так легко к этой истории! – заметил Михаил. – Тебе во всяком случае придется выдержать жестокую борьбу, потому что дядя выйдет из себя.

– Я знаю, я готов и вооружился на сей предмет. Но уж не хочешь ли ты уйти отсюда! Нет, брат, это не дело, я не могу обойтись без резерва в предстоящей битве. Если завяжется слишком горячая схватка, я вытяну тебя в качестве вспомогательного корпуса. Уж окажи мне такую услугу, останься!

– Я рад, что теперь конец тайне, – недовольно сказал молодой офицер, отходя к оконной нише. – Я дал тебе слово молчать, но это было мне очень тяжело, гораздо тяжелее, чем тебе.

– Ба! Я не мог ничего поделаться иначе. Ведь у вас, военных, тоже допускаются военные хитрости... Тише! Отец возвращается! Смело в атаку!

Действительно, профессор вернулся и, благодушно усевшись в кресле перед письменным столом, знаком подозвал к себе сына и произнес:

– Во всяком случае ты был в хороших руках. Коллега Бауер – признанный авторитет в нашей специальности и вполне разделяет мои принципы; вот почему я сдался на твои просьбы и послал тебя в Б. Правда, я не раз опасался того, что ты домогался лишь беспечального студенческого жития, но тем не менее считал, что будет очень хорошо, если ты продолжишь свои занятия под другим руководством. Ну-с, а теперь послушаем.

Было похоже, что молодому человеку не по себе от этого вступления. Он смущенно дергал усы и не без запинок ответил:

– Да... профессор Бауер... Я посещал его лекции... даже очень регулярно...

– Но разумеется! Ведь главным образом к нему я и посылал тебя!

– Только учился я не у него, отец!

Велая нахмурился и с упреком сказал:

– Ганс, нехорошо с твоей стороны было пренебречь таким заслуженным ученым. Конечно, с ним во многом нельзя согласиться, но тем не менее его труды очень значительны.

– Господи, да ведь я говорю вовсе не о научных трудах и заслугах профессора, а о своих собственных, которые, к сожалению, были слишком незначительны, почему я и позволил себе несколько изменить свои занятия.

– Несмотря на мое вполне категорически выраженное желание? Ведь я же составил для тебя вполне точный план занятий! К кому же ты обратился?

Ганс на секунду замялся с ответом, кинул взгляд на оконную нишу, где обретался его «резервный корпус», затем не без труда выговорил:

– К профессору... Вальтеру...

– Вальтеру? Это кто? Я не знаю такого!

– Да нет, отец, ты наверное слышал имя Фридриха Вальтера. Ведь он всемирно известный художник...

– Кто? – переспросил профессор, которому показалось, что он ослышался.

– Художник, и вот потому-то я и хотел отправиться в Б. Маэстро Вальтер живет там и оказал мне честь принять меня в свое ателье. Дело в том, что я собственно занимался не естественными науками, а живописью...

Теперь решающее слово было сказано! Профессор Велау подскочил и, почти лишившись дара слова, безмолвно смотрел на сына. Наконец он загремел:

– Да ты рехнулся, что ли?

Но Ганс отлично знал, что успех может быть достигнут лишь в том случае, если он не даст отцу говорить. Поэтому он торопился продолжать:

– Я был очень старателен эти два года, чрезвычайно старателен. Мой профессор подтвердит тебе это, отец; он находит, что теперь я могу работать уже самостоятельно. На прощание он сказал мне: «Вашему батюшке наверное будет очень приятно, когда он увидит ваши произведения, вы только сошлитесь на меня!».

Ганс выложил все это очень бегло, речь текла словно мед с его уст. Однако это ему не помогло, профессор понял наконец, что Ганс совершенно серьезно «позволил себе несколько изменить свои занятия». И вот бомба взорвалась!

– И ты осмеливаешься говорить мне все это? Ты решился тайно за моей спиной разыграть подобную комедию, пойти наперекор моему запрещению, насмеяться над моей волей и теперь воображаешь, что я склонюсь перед так называемым «совершившимся фактом» и скажу «да» и «аминь»? Ну, так ты жестоко ошибаешься!

Ганс опустил голову и состроил крайне подавленную физиономию.

– Не будь так суров, отец! – произнес он. – Ведь искусство, это – мой идеал, поэзия и цель моей жизни, и если бы ты знал, какие угрызения совести терзали меня из-за моего послушания!

– По тебе видны все твои угрызения совести! – крикнул профессор, все более и более свирепея. – «Идеал!»! «Поэзия!»! Вот она опять, эта проклятая история! Боевые словечки, которыми думают прикрыть все глупости, когда-либо совершенные людьми! Только не воображай, пожалуйста, что со мной пройдет подобное идиотство! Какой бы чепухой ты ни занимался там, теперь ты вернешься домой, а уж я возьмусь за тебя! Прежде всего ты сдашь докторский экзамен, слышишь ты? Я приказываю тебе это!

– Да ведь я ровно ничему не учился! – объявил Ганс с торжеством. – Во время лекций я рисовал портреты или карикатуры на профессоров – смотря по настроению, ну, а вся ученость, которой ты меня начинал прежде, выветрилась из меня. Поэтому я не в состоянии написать и трех страниц диссертации, а ты ведь не пошлешь меня сызнова в университет!

– Да ты просто хвастаешься своим невежеством! – пронзительно закричал профессор. – А неслыханный обман по отношению ко мне тебе, наверное, представляется геройским подвигом?

– Нет, просто – необходимой самозащитой, к которой я обратился, когда иссякли все прочие средства. Как просил и умолял я тебя! Увы, все было напрасно, ты не сдавался! Я

должен был пожертвовать всем – своим талантом, своей будущностью ради дела, к которому вовсе не гоюсь и в котором никогда не смогу создать ничего путного... Ты отказал мне в средствах для художественного образования и рассчитывал этим путем покорить меня. Когда я говорил тебе: «Я хочу стать художником», – ты отвечал мне непреклонным «Нет!». А теперь я говорю тебе: «Я стал художником», – и тут уж тебе придется сказать «Да»!

– Это мы еще посмотрим! – сызнава вскипел Велау. – Я еще посмотрю! Неужели я не могу смирить своего собственного сына? В своем доме я – полный хозяин, я не терплю никакого бунта, и если кто вздумает пойти наперекор моей воле, тому придется оставить мой дом!

Молодой человек побледнел при этой угрозе; он подошел вплотную к отцу, и полный мольбы голос звучал глубокой серьезностью, когда он сказал:

– Отец, прошу тебя, не будем заходить так далеко. Я просто сделан из другого теста, чем ты; я издавна чувствую лишь страх и ужас перед твоей высокой, холодной наукой, которая делает жизнь такой ясной и... такой пустынной! Ты не постигаешь, что существует иной мир, что есть юность, которой этот мир так же необходим, как воздух для дыхания. Ты непреклонно вырываешь у природы ее тайны, все, что живет и развивается в царстве природы, должно подчиниться твоим законам и системам, о каждом существе ты знаешь, как оно создается и обращается в ничто. Но своего собственного сына ты не знаешь, и его тебе не уложить ни в одну из твоих систем. Ему, по счастью, удалось приберечь себе немножко идеалов и поэзии, и с этим багажом он пойдет своей собственной дорогой, на которой он не посрамит твоего имени!

Сказав это, Ганс повернулся и направился к двери.

Но профессор абсолютно не был расположен покончить на этом разговор.

– Ганс, ты останешься здесь! – крикнул он. – Ты сию же минуту вернешься!

Но Ганс счел за благо не расслышать приказания. Он видел, что его «вспомогательный корпус» двинулся вперед, и предоставил ему прикрыть отступление.

– Пусть идет, дядя! – сказал Михаил, подходя вплотную к рассерженному старику. – Ты слишком взволнован, успокойся сначала!

Уговоры остались бесплодными. Велау вовсе не думал успокаиваться и теперь, когда непокорный сын вышел за «пределы досягаемости», с новой яростью обрушился на его заступника.

– И ты тоже был с ним в заговоре! Ты знал обо всей этой грязной истории, не отпирайся! Ганс ничего не скрывает от тебя. Почему ты молчал?

– Потому что я дал ему слово и не мог нарушить его, хотя и не одобрял этой таинственности.

– Тогда ты должен был по собственному почину взяться за дело и образумить Ганса!

– И этого я тоже не мог: Ганс был в своем праве!

– Что такое? Теперь и ты начинаешь? – закричал профессор.

Но Михаил спокойно ответил:

– Да, дядя, он был в своем праве! Я тоже не позволил бы навязать себе профессию, которой не люблю и к которой не гоюсь. Я только действовал бы более открыто и потому выдержал бы более тяжелую борьбу, чем Ганс, который попросту уклонился от всякой борьбы. С того самого дня, когда ты заставил его взяться за науку, он начал заниматься рисованием. Но в заключение он убедился в невозможности закончить художественное образование у тебя на глазах, а потому и отправился в Б. Наверное, он создал что-нибудь выдающееся, потому что если такой человек, как профессор Вальтер, дает свидетельство его художественной зрелости, то...

– Молчи! – загремел профессор. – Я ничего не хочу слышать! Я говорю «нет» и еще раз «нет», и... А ты тоже лезешь ко мне со своим триумфом? Ты тоже, конечно, была в заговоре?

Последние слова относились к свояченице, которая, ничего не подозревая, вернулась в комнату, чтобы взять забытые ключи, и теперь была страшно поражена сердитым приемом.

– Да что с тобой? – спросила она. – Что случилось?

– Случилось? Да ничего не случилось! Произошла только «маленькая перемена в занятиях», как благоугодно было выразиться моему сынку. Но горе мальчишке! Он еще узнает меня, пусть только попадется мне на глаза!

Велау, словно ураган, умчался из комнаты, с треском хлопнув за собой дверью, а хозяйка дома с искренним испугом обратилась к Михаилу:

– Да что же здесь случилось? Скажите мне, Бога ради!

– Катастрофа! Ганс сознался отцу в проделке, которую не мог скрывать долее. Он вовсе не занимался науками, а воспользовался университетскими годами, чтобы заняться живописью и закончить свое образование художника. Однако прости, тетя, я должен бежать за ним, потому что будет и в самом деле нехорошо, если он попадется теперь на глаза отцу.

С этими словами Михаил вышел из комнаты, а бургомистерша несколько минут простояла на месте наподобие соляного столба. Мало-помалу ее лицо прояснилось, и наконец она сказала с величайшим удовлетворением:

– Ганс натянул непогрешимому господину профессору нос, да еще какой! Что за золотой парнишка!

Глава 7

Эльмсдорф, имение отставного полковника фон Ревалья, находилось недалеко от города. Оно не представляло собой старого горного замка с лесными и охотничьими округами и историческим прошлым, как Штейнрюк, а было современным уютным жильем, необыкновенно приспособленным благодаря удачному местоположению для летнего пребывания. Дом – обширная вилла с балконами и террасами – был окружен чудно разбитым парком; внутреннее убранство не сияло великолепием, но говорило об изящном вкусе и богатстве владельца.

Полковник Реваль три года тому назад подал в отставку из-за тяжелой раны, полученной в последнюю войну. С того времени он жил с женой зимой в столице, а летом в Эльмсдорфе, превращенном им из простого поместья в очаровательный уголок.

Михаил Роденберг, служивший в полку Ревалья и бывший в последнее время его адъютантом, с самого начала пользовался исключительным благоволением начальника, который находил случай неоднократно доказывать ему это благоволение и после выхода в отставку.

В этот день в Эльмсдорфе было большое торжество: справляли день рождения госпожи фон Реваль, и на праздник было созвано многочисленное общество. Было само собой понятно, что Михаила тоже пригласили, и вместе с тем приглашения были посланы и обоим Велау. Однако Ревалю пришлось отказаться от надежды видеть среди своих гостей знаменитого ученого. Профессор Велау извинился нездоровьем, а на самом деле просто был в отвратительном настроении духа из-за своеволия Ганса. Таким образом, молодые люди отправились в Эльмсдорф одни.

В ярко освещенных комнатах виллы супруги Реваль принимали гостей с той любезностью, которая делала их дом центром всего местного общества. Гансу Велау и здесь удалось оправдать утверждение отца, будто он – чрезвычайный счастливчик, перед которым неизменно распахиваются все двери и сердца, хотя сам он ровно ничего не делает для этого. Чуть только он был представлен хозяйке дома, как сразу стяжал ее особенное благоволение. Все тоже согласились, что он очень мил, и Ганс сразу почувствовал себя совершенно легко и свободно в обществе, еще минуту назад бывшем ему совершенно чуждым.

Но тем более чужим чувствовал себя здесь Михаил, который не обладал ни талантом, ни склонностью быстро и легко сходить с людьми. За исключением хозяев дома, он тоже ровно никого не знал из присутствующих, и беглые представления, сопровождавшиеся не менее беглыми разговорами, мало интересовали его. Поэтому он был скорее наблюдателем, чем участником общего веселья, и, уныло бродя из комнаты в комнату, попал наконец в оранжерею, где купы пальм, лавров и цветущих растений образовывали уютные уголки для отдохновения.

Здесь было так прохладно и пустынно, что молодому офицеру не хотелось возвращаться в жаркие комнаты, где он никому не был нужен. Медленно переходил он от растения к растению, пока появление полковника Ревалья не нарушило его созерцательного настроения.

– А вы по-прежнему нелюдим? – спросил полковник, и в тоне его слышались и шутка, и серьезный упрек. – Вы – плохой гость на нашем празднике! Что вы делаете в этой пустынной оранжерее?

– Я только что вошел, – извинился Михаил. – Кроме того, я чувствую себя таким чужим в этом обществе...

– Лишнее основание, чтобы познакомиться со всеми. Берите пример со своего юного друга: он на всех парусах мчится в потоке общего веселья. Я уже давно ишу вас в зале, так как хотел представить вас графу Штейнрюку. Ведь вы еще не знакомы с ним?

– С командующим войсками? Нет.

– Он только что прибыл, и впоследствии вам все равно придется явиться к нему по долгу службы. Генерал пользуется колоссальным влиянием, и его чрезвычайно боятся за служебную

строгость. По службе он никого не щадит, а себя – менее кого бы то ни было, хотя ему и под семьдесят. Но понятие о старости кажется созданным не для него!

Михаил молча слушал полковника. Он знал, что граф был в Штейнрюке, и должен был подготовиться к возможной встрече. До сих пор судьба щадила его, но в будущем встречи нельзя было избежать, поскольку ему, прикомандированному ныне к генеральному штабу, так или иначе все равно придется явиться к командующему войсками.

– Мы надеялись видеть у себя и молодого графа тоже, – продолжал Реваль, – но нам только что сообщили, что он приезжает лишь завтра. Жаль! Вы могли бы сделать интересное знакомство!

– Вы имеете в виду сына генерала, полковник?

– Нет, граф Альбрехт умер несколько лет тому назад, я говорю о внуке генерала, графе Рауле. Это – прекраснейший из мужчин, каких только мне приходилось видеть! Вечно впереди всех во всяких безумствах, голова постоянно набита гениальными идеями; к тому же он очаровательно любезен, так что сразу покоряет всех. Это в самом деле необыкновенно богато одаренная натура, но и безумец тоже, который еще наделает хлопот своему деду, если генерал вовремя не скрутит его!

– Ну, мне кажется, граф Штейнрюк – подходящий для этого человек! – заметил Михаил.

– Я тоже так думаю! Граф Рауль не боится ни смерти, ни черта, но к деду питает благоговейное почтение, и если его высокопревосходительство что-то приказывает, то молодому графу приходится покоряться!

Позади разговаривавших послышалось легкое шуршание шелковых платьев. Они обернулись, и в тот же момент молодой офицер так резко отошел в сторону, что полковник с удивлением взглянул на него.

Вошли две дамы. Старшая, очень нежная и бледная, в изысканном темном туалете, осматривалась по сторонам, отыскивая местечко, где можно было бы отдохнуть. Младшая продолжала стоять на ступенях лестницы, ярко озаряемая светом лампы, висевшей над ее головой.

Ганс Велау был прав, когда с таким энтузиазмом описывал эту девушку. Высокая и стройная, с лицом поразительной, редкой красоты, она действительно как будто сошла со страниц какой-то сказки. Глаза ее в самом деле блестели, словно звезды, а волосы казались тем самым золотом, о котором рассказывают старые предания о кладах.

– Ах, ваше сиятельство! – воскликнул полковник, подходя к старшей из дам и предлагая ей руку. – Наверное, в зале было слишком жарко? Боюсь, что, появившись у нас на вечере, вы принесли жертву...

– Это только усталость, больше ничего, – говорила графиня, в то время как Реваль вел ее к креслу. – О, лейтенант Роденберг!

Михаил поклонился.

Теперь и Герта подошла к матери и промолвила:

– Маме стало нехорошо, поэтому мы и покинули зал. Здесь, где так прохладно и тихо, она скоро оправится.

– Но в таком случае лучше всего будет... – и Михаил, взглянув на полковника, направился к двери.

Однако графиня с чарующей любезностью воскликнула:

– Да нет же! Мне просто стало немножко не по себе от жары и толчеи. Очень рада видеть вас, господин Роденберг!

Полковник был явно удивлен, что дамы знакомы с молодым офицером. Его замечание по этому поводу заставило графиню рассказать историю их знакомства. Она уверяла, что быстрая помощь, оказанная Михаилом, спасла жизнь ей и ее дочери, и напрасно Роденберг противоречил: графиня стояла на своем.

Графиня Герта не приняла участия в разговоре, а обратила все свое внимание на растения. Медленно скользила она по оранжерее: ее движения были полны грации, но это не была грация молоденькой, неуверенной в себе, девушки. Несмотря на свои девятнадцать лет, она производила впечатление вполне светской дамы, сознающей, что она богатая наследница и очень красива.

Остановившись перед группой чужеземных растений, она спросила равнодушным тоном:

– Не знаете ли вы, что это за цветы, господин Роденберг? Должна признаться, перед этим растением мои ботанические сведения изменяют мне!

Михаилу волей-неволей пришлось направиться в противоположный конец теплицы, что он и сделал, впрочем, ничуть не торопясь. Но лицо его слегка побледнело, когда он давал требуемые объяснения:

– По-видимому, это – дианея, одно из тех губительных растений, овальные листики которых одарены особой чувствительностью: стоит насекомому, привлеченному опьяняющим ароматом дианеи, коснуться этих листиков, как они сейчас же складываются и сдавливают насмерть случайного узника.

По лицу девушки скользнула полусострадательная, полупрезрительная усмешка.

– Бедные! И все-таки, должно быть, очень хорошо умереть в опьяняющем аромате! Разве нет?

– Нет! Смерть прекрасна лишь на свободе, а рабства не скрасит никакой опьяняющий аромат!

Ответ прозвучал так резко, почти грубо, что Герта на мгновение поджала губы, затем, оставляя в стороне предмет разногласия, заметила с легкой насмешкой:

– Я с удовольствием констатирую, что здесь служба не поглощает вашего времени так всецело, как там, на курорте. Здесь у вас все-таки остается свободное время, чтобы появляться в обществе!

– Там я был на маневрах, здесь – в отпуске.

– Может быть, в качестве гостя полковника Реваля?

– Нет.

– Я и не знала, что у вас есть дружеские связи в этой местности. Значит, вы здесь у...

– У родственников.

Герта нетерпеливо топнула атласной туфелькой о пол.

– Их имя, должно быть, составляет государственную тайну, потому вы так тщательно скрываете его! – воскликнула она.

– Все нет, для этого у меня нет ни малейших оснований. Я гощу в Таннберге, у родственников профессора Велау.

Это сообщение, казалось, поразило Герту. Она с умышленной небрежностью играла только что сорванной розой, не отрывая взора от юного офицера.

– В Таннберге? А! Это маленький горный городок, расположенный совсем близко от Штейнрюка! Мы собираемся провести там несколько недель!

Что-то вспыхнуло, как будто засияло в лице Михаила. Но эта радостная, вспышка длилась одно только мгновение и сейчас же сменилась обычной холодной вежливостью, с которой он ответил:

– Осенние дни очень хороши в горах!

На этот раз молодая графиня не выказала ни малейшего недовольства в ответ на холодное замечание собеседника: как ни мимолетна была вспышка радости на его лице, от нее она не укрылась. Продолжая небрежно играть розой, Герта улыбнулась и насмешливо сказала:

– Несмотря на то, что вы живете по соседству, нам наверное опять не придется повидать вас. По всей вероятности, у вас и здесь окажется какой-нибудь «долг службы»!

– Вам угодно шутить, графиня!

– Я говорю совершенно серьезно. Ведь сегодня мы только от господина Велау узнали о вашем присутствии. Разумеется, вы первым делом поспешили стать невидимым. Должно быть, вы были погружены в какой-нибудь стратегический разговор с полковником, когда мы вошли? Очень жаль, что мы помешали вам, ведь сразу было видно, что вы были неприятно поражены.

– Вы глубоко ошибаетесь! Я был очень рад случаю еще раз встретиться вашу матушку и вас.
– И все-таки вы испугались, завидев нас?

Михаил кинул мрачный, почти угрожающий взгляд на молодую девушку, которая так безжалостно загоняла его в тупик. Но его голос звучал полным самообладанием, когда он ответил:

– Я был только удивлен, потому что знал, что графиня рассчитывала вернуться с курорта прямо в Беркгейм.

– Мы изменили свой план по специальному желанию дяди Штейнрюка; кроме того, врач посоветовал маме воспользоваться еще несколько недель этим живительным горным воздухом. Неужели вы и в самом деле не побываете у нас в замке? Это очень обрадовало бы маму... и меня тоже...

Герта досказала последние слова вполголоса, но каким сладким очарованием дышали они! Она стояла совсем близко от Михаила, тихо шуршало ее платье, и кружевное облако отделки слегка касалось молодого человека. Он стал еще бледнее, чем прежде. В течение нескольких секунд он словно задышался, а затем церемонно поклонился и сказал:

– Сочту это для себя великой честью!

В его тоне слышалась нотка, которая говорила графине Герте, что он все-таки не придет. Ее глаза сверкнули гневом, но она, словно соглашаясь, кивнула головой и отвернулась, чтобы присоединиться к матери. При этом – о, совершенно случайно, – роза выпала из ее руки.

Михаил остался на месте, но его пламенный, жаждущий взор устремился к цветку, который только что держала ее рука. Нежный, полураспустившийся бутон лежал у его ног, такой розовый и ароматный, а прямо над ним сверкали цветы дианеи, которая несет смерть своим пленникам опьяняющим ароматом.

Рука молодого офицера невольно потянулась к земле, а быстрый взгляд скользнул по группе разговаривавших: не смотрят ли на него? Да, на него смотрели... Взгляд пары сияющих глаз был устремлен на него с ожиданием, с торжеством – ведь он должен был нагнуться!

Но Михаил гордо выпрямился и твердо двинулся вперед, наступив на розу; нежный цветок умер под его ногами.

Графине Герте, должно быть, стало очень жарко в этот момент, по крайней мере она с пламенной энергией заработала веером. В то же время полковник Реваль, кончив разговор со старшей графиней, сказал:

– Однако дадим покой ее сиятельству, чтобы она могла вполне отдохнуть. Пойдемте, милый Роденберг!

Они простились с дамами и вернулись в зал из прохладного, напоенного ароматом цветов помещения с уютной полутьмой в душную атмосферу залитого светом зала, в сутолоку и толчею. И все-таки Михаил облегченно вздохнул, словно вышел на свежий воздух.

Ганс Велау, который и в самом деле мчался на всех парусах в потоке общего веселья, завидев друга, сейчас же подбежал к нему.

– Знаешь, здесь обе графини Штейнрюк, с которыми мы познакомились на курорте!

– Знаю, – коротко ответил Михаил, – я только что говорил с ними.

– В самом деле? Да куда же ты запропастился? Разумеется ты, как и всегда, отчаянно скучаешь в обществе? Ну, а я на славу забавляюсь и уже перезнакомился со всеми!

– Тоже «как и всегда»! Впрочем, сегодня тебе придется заменять отца. Все хотят познакомиться хотя бы с сыном знаменитого ученого, раз он сам...

– И ты туда же? – раздраженно перебил его Ганс. – По крайней мере, уж двадцать раз меня представляли сегодня, как достопримечательность номер второй, ввиду отсутствия достопримечательности номер первый. Мне до такой степени тычут в нос знаменитостью отца, что я прихожу в полное отчаяние!

– Ганс! Что, если бы это услышал твой отец! – с упреком сказал Михаил.

– Тут уж я ничего не могу поделать! Всякий другой человек представляет собой определенную личность, нечто индивидуальное, я же – только «сын нашего знаменитого» и так далее! И только, больше ничего! Меня представляют в качестве сына знаменитого отца, со мной обращаются с особым вниманием, отличают. Но ведь это просто ужас – вечно быть лишь чьим-то отражением!

Молодой офицер слабо улыбнулся.

– Что же, ты стоишь на дороге к перемене этого положения. Будем надеяться, что скоро станут говорить: «Знаменитый художник Ганс Велау, отец которого тоже прославился научными работами»!

– В этом случае я, конечно, прошу отцу его славу! Так, значит, ты уже виделся с графинями Штейнрюк? Я был поражен, когда увидел их, ведь мы предполагали, что они давно в Беркгейме! Графиня-мать очень любезно пригласила меня, или, вернее, нас обоих, в замок, и я, разумеется, принял приглашение. Мы, конечно, вместе отправимся в замок с визитом?

– Нет, я не поеду туда! – отрезал Михаил.

– Но почему же нет, Господи?

– Потому что я не имею ни повода, ни желания втираться в круг графини Штейнрюк. Тон, царящий там, достаточно известен. Если человек мещанского происхождения хочет занять положение в этом обществе, он должен быть постоянно вооружен и не выпускать оружия из рук!

– Так что же, ведь это – твоя специальность! – воскликнул с иронией Ганс. – Ну, а я нахожу крайне неудобным вечно быть с оружием и настороже, как ты и отец, который в обращении с аристократией вечно трясется за свои принципы. Я забавляюсь без всяких принципов, а что касается дам, то я охотно складываю оружие к их ножкам. Будь же благоразумен, Михаил, давай навестим графинь!

– Нет!

– Ну, так и Бог с тобой! Уж если ты что-нибудь вобьешь в свою упрямую голову, то с тобой ничего не поделаешь, это я давно знаю. Ну, а я не упущу удобного случая снова приблизиться к этой златокудрой сказочной фее, графине Герте! Ты-то, понятно, даже не заметил, какая она сегодня ослепительная, чарующая, в облаках шелка и кружев. Воплощенный идеал женской красоты!

– Я, пожалуй, согласен, что графиня красива, но...

– Как? Ты только «пожалуй, согласен» с этим? – возмущенно перебил его Ганс. – В самом деле? И ты еще собирался критиковать ее своим «но»? Слушай, Михаил, ты стал для меня достойной уважения персоной, и папа так часто выставляет мне тебя в качестве образца всяческого совершенства, что эти твои совершенства уже давно колют мне глаза. Но что касается женщин и женской красоты, то тут ты, пожалуйста, помолчи: в этом ты ровнешенько ничего не понимаешь и остаешься, как и прежде, просто «глупым Михелем».

С этой полушутливо, полусердито высказанной фразой Ганс покинул друга и опять подошел к одной из групп гостей, а Михаил один двинулся дальше, и на лице его отражалась бесконечная горечь.

В это время на другом конце зала полковник Реваль разговаривал с графом Штейнрюком. Они отошли в глубокую оконную нишу, отделенную от зала полузадернутой портьерой, и здесь Реваль сказал:

– Мне хотелось бы обратить внимание вашего высокопревосходительства на этого молодого офицера. Вы очень скоро убедитесь, насколько он заслуживает внимания!

– Раз вы так горячо рекомендуете его, я не сомневаюсь в этом, – ответил Штейнрюк, – обычно вы весьма скупы на похвалу. Он с самого начала служил в вашем полку?

– Да, и блестяще проявил себя в датской войне. Еще будучи младшим лейтенантом, он с горсткой людей овладел стратегическим пунктом, который до тех пор отражал все атаки, и способ, с помощью которого этот офицер достиг цели, доказал его необыкновенную энергию, присутствие духа и стратегический талант. В последнем походе он был моим адъютантом, а только что его прикомандировали к главному штабу на основании представленной им работы. Ее, вероятно, показывали вам, ваше высокопревосходительство: она касается одного из пунктов, за который вы еще недавно горячо ратовали, и была подписана полным именем.

– Я помню – лейтенант Роденберг! – сказал генерал.

Это имя по-прежнему вызывало в нем тяжелые воспоминания, но в данном случае оно не бросилось ему в глаза, поскольку неоднократно встречалось в армии. Был один полковник Роденберг, трое сыновей которого служили в армии, и граф не сомневался, что в данном случае речь идет об одном из них. Поэтому он и не стал спрашивать Реваль относительно личности молодого офицера.

– Да, я хорошо ознакомился с его работой, – продолжал Штейнрюк. – Она доказывает незаурядные способности и могла бы обеспечить своему автору мое полное внимание и без специальной рекомендации. Но поскольку вы еще к тому же так блестяще аттестуете его служебную деятельность, то...

– Роденберг заслуживает внимания и полного доверия, хотя по отношению к своим сослуживцам он занял несколько обособленную позицию. Необщительность и холодная замкнутость доставили ему мало друзей, но уважают его решительно все.

– Этого вполне достаточно! – заявил Штейнрюк, слушавший полковника с явным интересом. – Кто обладает честолюбием и стремится к великой цели, тому некогда быть любезным. Я люблю подобные натуры, потому что и сам в юности был таким же!

– А вот и он! Его высокопревосходительство хочет познакомиться с вами, милейший Роденберг! – сказал полковник, делая знак проходившему мимо Михаилу, чтобы тот подошел поближе.

Полковник представил молодого офицера по всей форме и затем вернулся к гостям, предоставив своему любимцу самому поддержать впечатление, сложившееся у генерала в предшествующем разговоре.

Михаил стоял перед человеком, которого десять лет тому назад видел единственный раз и образ которого неугасимо горел в его воспоминаниях, как связанный с самым тяжелым моментом в жизни.

Граф Михаил Штейнрюк уже перешагнул за семьдесят лет, но он принадлежал к числу тех натур, над которыми старость не властна. Годы, столь непреклонно сгибающие других людей, никак не отразились на его горделивой и властной осанке. Лишь чуть-чуть глубже стали морщины на гордом, энергичном лице, волосы и усы поседели, но этим и ограничивались десятилетние перемены. Зоркие глаза по-прежнему были полны огня, и все так же от всей его фигуры веяло неукротимой мощью. Да, в старом генерале было столько силы, что ему мог позавидовать любой юноша!

Штейнрюк окинул испытующим взглядом молодого офицера и, видимо, остался доволен. Ему нравилась у военной молодежи внешность, которая дышала железным спокойствием, говорившим о силе духа и дисциплине. Поэтому он обратился к офицеру с более явным благоволением, чем обыкновенно это делал.

– Полковник Реваль очень горячо рекомендовал мне вас, лейтенант Роденберг, а я придаю большое значение его суждению. Вы были его адъютантом?

– Точно так, ваше высокопревосходительство!

Штейнрюк прислушался: что-то знакомое прозвучало в этом голосе; ему показалось, что он как будто уже слышал его когда-то, хотя этот офицер был совершенно не знаком ему. Генерал начал беседу о военных делах, умело вставляя в разговор разнообразные вопросы. Но Михаил успешно выдержал строгий экзамен, который был учинен ему в такой разговорной форме. Его ответы поражали краткостью, он не произносил ни одного лишнего слова кроме того, что требовалось. В то же время эти ответы отличались ясностью и меткостью суждений – совершенно во вкусе генерала, все более и более убеждавшегося, что полковник не преувеличивал. Графа Штейнрюка очень боялись из-за его непреклонной строгости, однако он был не только строг, но и справедлив, когда встречал заслуги и способности. Поэтому он снизошел даже до открытой похвалы.

– Перед вами открыт широкий жизненный путь, – сказал он в конце разговора. – Вы стоите на нижней ступени, но подняться наверх в ваших возможностях. Насколько я слышал, вы еще юношей отличились в походе, а ваша последняя работа доказывает, что вы владеете не только оружием. Я буду очень рад, если оправдаются надежды, возлагаемые на вас. Нам нужно сильное молодое поколение. Я буду помнить о вас, лейтенант Роденберг. Кстати, как ваше имя?

– Михаил, ваше высокопревосходительство!

Генерал вздрогнул при этом нечасто встречавшемся имени и снова пылливо впился взором в лицо молодого офицера.

– Вы – сын полковника Роденберга, который командует полком в В.?

– Нет, ваше высокопревосходительство.

– Но вы в родстве с ним?

– Тоже нет. Я не знаком ни с самим полковником, ни с кем-либо из его семьи.

Теперь по лицу графа стала разливаться легкая бледность, и он невольно отступил на шаг назад.

– Чем занимается ваш батюшка?

– Мой отец давно умер.

– А ваша матушка?

– Точно так же.

На секунду воцарилось мертвое молчание, граф положительно пронизывал взором лицо молодого офицера. Наконец он тихо спросил:

– А где... где вы провели детство?

– В лесничестве поблизости от Санкт-Михаэля.

Генерал вздрогнул; открытие, которое он уже предчувствовал, поразило его, словно громом.

– Михаил, это – ты? Не может быть! – вполголоса воскликнул он.

– Что угодно приказать вашему высокопревосходительству? – ледяным тоном спросил Михаил.

Он стоял неподвижно, в строго служебной позе, только глаза его метали пламя, и теперь Штейнрюк узнал эти глаза. Он видел их однажды, когда нанес мальчику незаслуженное оскорбление, и тогда их выражение было точно таким же.

Но граф Штейнрюк не потерялся даже в столь трудную для него минуту. Он сейчас же овладел собой и опять принял свою властную осанку.

– Пусть так! Пусть прошлого не существует, и я в первый раз в жизни вижу лейтенанта Роденберга. Я не возьму назад ни высказанной вам похвалы, ни надежд, которые возлагаю на вашу будущность. Вы можете и впредь рассчитывать на мое благоволение!

– Очень признателен вашему высокопревосходительству, – язвительно ответил Михаил. – Мне достаточно слышать из ваших уст, что я гожусь на что-нибудь в этом мире. Я один нашел свой путь и один пойду по нему и далее!

Лоб генерала грозно нахмурился. Он хотел великодушно забыть о прошлом, думал, что совершает неслыханный подвиг великодушия, не отказывая лейтенанту в своем благоволении, а тот самым резким образом отверг и то, и другое!

– Очень высокомерно! – сказал он почти с угрозой. – Вы сделали бы лучше, если бы держали в границах свою непомерную гордость. Когда-то вам была оказана несправедливость, и это может извинить грубость вашего ответа, я как бы не слышал его. Но потрудитесь на досуге обдумать ответ получше!

– Вашему превосходительству угодно приказать мне еще что-нибудь? – холодно спросил Михаил.

– Нет!

Генерал смерил гневным взглядом молодого офицера, осмелившегося первым проститься, не дожидаясь, пока его отпустят. Но, должно быть, Михаил счел генеральское «нет» за разрешение удалиться: он простился по-военному и ушел.

Молчаливо и мрачно смотрел граф ему вслед. Он все еще не мог освоиться с тем, что только что видел собственными глазами. Правда, ему в свое время доложили, что «парень-неудачник» сбежал от приемного отца и не вернулся обратно, должно быть, из боязни наказания. Граф не счел нужным разыскивать беглеца: если мальчишка исчез, тем лучше – тогда с ним кончено, а вместе с ним и с воспоминаниями о семейной трагедии, которая должна быть похоронена во что бы то ни стало. Правда, порой графом овладевали опасения, что беглец неожиданно вынырнет из позора и нищеты, чтобы использовать для шантажа родственную связь с ним лично, которую нельзя было отрицать. Но тогда он утешал себя следующим соображением: ведь когда отец этого Михаила попытался добиться чего-нибудь таким путем, с ним живо справились, значит, справятся и с сыном. Граф Михаил был не из тех людей, которые боятся призраков.

А теперь беглец и в самом деле вынырнул на поверхность, на ту же самую почву, где вращалась графская семья. Теперь это человек, самостоятельно, без чьей-либо помощи выбившийся наверх, и он осмелился отвергнуть протекцию, которую ему предложили – вынужденно и с отвращением, правда, но предложили. Теперь, похоже, он сам отрекается от родных своей матери!

Когда граф вернулся к обществу, на его челе все еще лежала грозная туча. В этот момент в зале появилась также и графиня Герта с матерью, причем девушка сразу стала центральной фигурой общества. Все теснились к ней, все наперебой спешили осыпать ее комплиментами. Ганс Велау, словно комета, пронесся по залу, только чтобы приблизиться к ней, и даже мрачное лицо Штейнрюка прояснилось при виде красавицы-подопечной.

Только лейтенант Роденберг, казалось, не заметил появления девушки. Он остался стоять в стороне, терпеливо выслушивая какого-то старичка, державшего перед ним длинную речь о том, что лето было плохое, а осень великолепна. Но взор Михаила с той же пламенной жадностью тянулся к кружку, теснившемуся вокруг Герты, как незадолго перед тем – к розе на полу теплицы. Когда болтливый старичок наконец оставил его, Михаил вполголоса пробормотал:

– «Ты остаешься, как и прежде, глупым Михелем»... если бы я остался им!

Глава 8

Граф Михаил Штейнрюк пользовался в столице большим влиянием. В начале последнего похода он был назначен командующим войсками, доказал свои выдающиеся способности на этом поприще, и его голос стал решающим в военных делах.

Шесть лет тому назад генерал потерял единственного сына, который был причислен к посольству в Париже, и с тех пор сноха и внук жили у него в доме. Внук генерала по желанию, а вернее по приказанию деда, должен был поступить на военную службу, но, к великой радости родителей, дело до этого не дошло. Рауль, бывший и в самом деле хрупким мальчиком, стал прихварывать как раз в то время, когда решалась его жизненная карьера, и врачи единогласно объявили, что его организм не выдержит сурового режима военной службы. Они ссылались на слабую грудь отца, на признаки страшной болезни, которая могла унести единственный отпрыск древнего рода Штейнрюков. Перед этим соображением должен был склониться сам граф Михаил. Но он никогда не мог примириться с тем, что его пламенное желание не осуществилось, тем более, что, пережив критический возраст, граф Рауль стал красавцем и здоровяком. Но время было упущено, и Рауль, окончив курс в одном из германских университетов, вступил на государственную службу по министерству иностранных дел.

Генерал все десять лет, в течение которых он был хозяином замка Штейнрюк, оставался верен традициям покойного родственника. Каждую осень в охотничий сезон он проводил там несколько недель, так как служба редко позволяла ему отдыхать более продолжительное время. Обыкновенно сноха и внук сопровождали его в этих поездках; принимали гостей, устраивали охоты, и пустынный горный замок на короткое время наполнялся шумом и жизнью, а через несколько недель снова замирал в обычном запустении.

На следующее утро после своего приезда, иначе говоря, на второй день после вечера у полковника Реваля, молодой граф Рауль сидел в комнате матери, и оба были погружены в серьезный разговор, предмет которого, по-видимому, отнюдь не был веселым, так как и мать, и сын казались одинаково расстроенными.

Графиня Гортензия Штейнрюк, некогда ослепительная красавица, до сих пор сохранила следы былой красоты. Несмотря на то, что она была матерью взрослого сына, она умела не терять привлекательности, хотя ее очарование и было в значительной степени обязано искусству косметики и туалетам. Ее одухотворенное лицо с темными, живыми глазами обладало к тому же особым очарованием, способным в определенной мере восполнить недостаток юности, а фигура, несмотря на несколько излишнюю пышность, не потеряла грациозности движений.

Рауль, поразительно похожий на мать и вполне унаследовавший ее красоту, ни единой чертой не напоминал отца, деда или вообще род Штейнрюков. У него была чудная голова с густыми темными кудрями, высоким лбом и темными выразительными глазами. Огонь, тлеющий в глубине этих глаз, по временам вспыхивал страстным пламенем, иногда даже среди совершенно спокойного разговора. Красота графа была бесспорна, а какая-то затаенная демоничность придавала ей еще большее очарование.

– Значит, вчера он все же вызвал тебя? – раздраженно спросила Гортензия. – Я так и знала, что опять собирается буря, и пыталась отвлечь ее, но не думала, что она разразится в первый же вечер!

– Да, дедушка был в высшей степени немилостив! – ответил Рауль не менее раздраженным тоном. – Из-за пары глупостей он так строго потребовал меня к ответу, словно я повинен в государственном преступлении! Ведь я уже исповедался тебе во всем, мама, и надеялся на твое заступничество!

– На мое заступничество? – с горечью повторила графиня. – Да ведь ты знаешь, насколько я здесь бессильна, особенно если дело касается тебя. Что значат материнские права и материн-

ская любовь в глазах человека, который привык, не считаясь ни с чем, все подчинять своей воле и ломать то, что не хочет гнуться! Прежде я немало страдала от зависимости, в которой находился твой отец и в которой теперь продолжаю находиться и я после его смерти. Но ведь у меня нет никакого состояния, и граф Штейнржж умеет удержать нас на цепи этой зависимости!

– Ты ошибаешься, мама! – сказал Рауль. – Меня заставляет подчиняться вовсе не власть дедушки, а его личность. Что-то есть в его взоре, в его голосе, чему я не могу пойти наперекор. Я готов вызвать на бой весь мир, но против деда я бессилён.

– Да, он на славу вышколил тебя! Все это – плоды воспитания, целиком рассчитанного на то, чтобы лишить меня какого-либо влияния и привязать тебя исключительно к нему одному. Тебе импонируют его повелительный тон, его властный взгляд, а я уже давно разглядела под всем этим одно только самодурство, с которым мне приходилось мириться с первых дней брака. Только не вечно же это продлится...

Гортензия тяжело перевела дух при последних словах. Рауль ничего не ответил; он опустил голову на руки и уткнулся взглядом в пол.

– Я уже писала тебе, что Герта с матерью гостит здесь, – снова начала графиня. – Я была поражена видом Гертты: в течение года, который мы не видели ее, она стала безупречной красавицей. Разве ты не находишь этого?

– Да, она очень красива... и очень избалована, капризна! Мне уже вчера пришлось столкнуться с ее капризами!

Гортензия слегка повела плечами.

– Она держит себя, как богатая наследница и единственная дочь бесконечно слабовольной матери, никогда не осмеливавшейся воспротивиться ее воле. Но ты, Рауль, сам обладаешь сильной волей и сумеешь заставить свою будущую жену уважать ее. В этом я не сомневаюсь, и это – как раз тот исключительный случай, когда я совершенно согласна с твоим дедом, желающим впоследствии сосредоточить в одних руках все фамильные владения. Доходы с майората очень умеренны, дедушке завещан только этот охотничий замок, а Герта – единственная наследница всего аллода, и богатая вдовья часть ее матери тоже со временем отойдет к ней. Кроме того, вы оба являетесь последними отпрысками рода Штейнрюков, так что союз между вами понятен сам собой.

– Ну да, если принимать во внимание лишь одни семейные соображения, тогда конечно! Ведь уже поторопились предпринять этот союз, когда мы были еще детьми! – сказал Рауль с горечью, не ускользнувшей от матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.